Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1198–1245.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1198–1245.

Научная статья
УДК 94:376
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-4
EDN: RGFSTZ

«Идеальные» дети и «идеальные» взрослые в эпоху модернизации: поиски эталона воспитания подрастающих поколений в сербской интеллектуальной среде начала XX в.

Людмила Константиновна Новосельцева
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия,
mnovoseltseva91@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505
Liudmila K. Novoseltseva
Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia,
mnovoseltseva91@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505

Аннотация. Открытие детства сербским обществом произошло в начале XX в. на фоне демографического кризиса, обусловленного переходом от традиционного общества к индустриальному, и поражения, которое потерпело национальное движение в борьбе против политики мадьяризации, проводимой властями Венгерского королевства. Интеллектуальная элита пыталась решить проблему высокой смертности, связанной с низкой медицинской грамотностью, реализуя ряд просветительских проектов. Один из них координировала Милица Томич (1859–1944), известная как филантроп, организатор женского движения и главный редактор женского журнала «Жена». Творческий коллектив издания разрабатывал «детскую» проблематику в сотрудничестве с медиками и педагогами. В фокусе их внимания оказались такие вопросы как организация детского питания, личная гигиена, детский алкоголизм, применение насилия в семье, которые отчасти возникали в силу отсутствия обоюдно признанных границ между миром детей и миром взрослых. На страницах журнала специалисты призывали общество отказаться от традиционных для сербских патриархальных семей партнерских взаимоотношений с детьми и принять всю полноту ответственности за их настоящее и будущее. Предлагаемый новый подход к воспитанию требовал большей вовлеченности родителей в жизненные процессы детей. Опираясь на достижения современной педологии, авторы старались снабдить взрослых необходимой актуальной информацией и предоставить некие образцы взаимодействия, поэтому в издании публиковались рекомендации по уходу за детьми разных возрастов, транслировалась

© Новосельцева Л.К., 2024
© Novoseltseva L., 2024

необходимость педиатрического контроля, формирования и поддержания здоровых привычек, выстраивания доверительных отношений в семье. В статье на основании опубликованных материалов показано, как сербская интеллектуальная элита проводила границы между детским и взрослым мирами, каким представлялось «идеальное» детство, и какую роль в нем играл «идеальный» взрослый.

Ключевые слова: история детства, конструкт «идеальное детство», «мир детства», эталон воспитания, сербы монархии Габсбургов, журнал «Жена», просветительские проекты, сербская интеллектуальная элита, традиционное общество, модернизация

Для цитирования: *Новосельцева Л.К.* «Идеальные» дети и «идеальные» взрослые в эпоху модернизации: поиски эталона воспитания подрастающих поколений в сербской интеллектуальной среде начала XX в. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1198–1245, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-4; EDN: RGFSTZ

“Perfect” Children and “Perfect” Adults in the Era of Modernization: Serbian Intellectuals in Search of a Model for Raising the Younger Generations in the Early 20th Century

Abstract. The discovery of childhood by Serbian society took place in the early 20th century against the background of the demographic crisis caused by the transition from traditional to industrial society and the defeat of the national movement in the struggle against the policy of Magyarization pursued by the authorities of the Kingdom of Hungary. The intellectual elite tried to solve the problem of high mortality associated with low medical literacy by implementing a number of educational projects. One of them was coordinated by Milica Tomić (1859–1944), known as a philanthropist, organizer of the women’s movement, and editor-in-chief of the women’s magazine *Žena*. The creative team of the publication developed “children’s” issues in cooperation with doctors and teachers. Their attention focused on such issues as the organization of children’s nutrition, personal hygiene, child alcoholism, and domestic violence, which partly arose due to the lack of mutually recognized boundaries between the world of children and the world of adults. In the pages of the magazine, experts called on society to abandon the relationship of partnership with children typical for Serbian patriarchal families and take on full responsibility for the children’s present and future. The proposed new approach to upbringing required greater involvement of parents in the life processes of children. Proceeding from the achievements of contemporary pedology, the contributors to the magazine tried to provide adults with the necessary relevant information and give some models of interaction. That is why the magazine published recommendations on caring about children of different ages and emphasized the need for pediatric control, formation and maintenance of healthy habits, and building trusting relationships in the family. Based on the published materials, the article shows how the Serbian intellectual elite drew boundaries between the child and adult worlds, what the “perfect” childhood looked like, and what role the “perfect” adult played in it.

Keywords: history of childhood, construct of ideal childhood, world of children, model of unbringing, Serbs in Habsburg monarchy, the *Žena* magazine, educational projects, Serbian intellectual elite, traditional society, modernization

For citation: Novoseltseva, L.K. “‘Perfect’ Children and ‘Perfect’ Adults in the Era of Modernization: Serbian Intellectuals in Search of a Model for Raising the Younger Generations in

the Early 20th Century." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1198–1245, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-4; EDN: RGFSTZ

Дети без детства?

В исторических исследованиях, связанных с феноменом детства в сербском социокультурном пространстве, наблюдается значительный перевес в пользу изучения народного просвещения и школы как социального института[1]. Благодаря работам сербских и российских специалистов известно, как в Княжестве (с 1882 г. Королевстве) Сербия в последней трети XIX – начале XX в. функционировала система образования, демонстрируя механический рост числа учебных заведений при стабильно низких качественных показателях – полученные знания оставались невостребованными у основной массы населения, так как мало соотносились с нуждами и жизненными условиями крестьян, представлявших подавляющее большинство населения. Более того, практичные родители, использовавшие труд детей в хозяйстве, находили посещение школы бессмысленной тратой времени[2].

Нельзя утверждать, что отношение к учености было принципиально иным среди крестьян, проживавших по другую сторону Дуная и Савы, однако особенности жизни сербов монархии Габсбургов сделали необходимым систематическое образование сначала практической, а затем и внутренней потребностью. Благодаря модернизации империи в правление Марии Терезии и Иосифа II сербское сообщество гораздо раньше претерпело трансформацию социальной структуры. Во второй половине XVIII в. консолидировался слой образованного духовенства, в регулярной армии и полках Военной границы росло число офицеров из сербов, быстрыми темпами развивалось сословие ремесленников и торговцев. К концу столетия появился немногочисленный, но влиятельный класс чиновников сербского происхождения и выделилась интеллигенция, а с ее появлением стала зарождаться и гражданская национальная культура[3]. На Темешварском саборе в 1790 г. светские сословия

[1] *Dujmović S.M.* Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941. Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021. S. 13–14.

[2] *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение и потребность // Человек на Балканах: социокультурное измерение модернизации на Балканах: (середина XIX – середина XX в.) / под редакцией Р.П. Гришиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 90–102; *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове: зборник радова са научног скупа одржаног, 09 септембра 2003 / уредио Р. Петковић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003. С. 63–80.

[3] *Novoseltseva L.* The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography // Historical Studies on Central Europe. 2022. Vol. 2, № 2. P. 131–148. https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

оспорили монополию духовенства на политическую власть, но в полной мере определять приоритеты сербского сообщества они стали в результате переустройства монархии Габсбургов на дуалистических началах в 1867 г. Движение за реализацию национальных прав в Венгерском королевстве сплотило представителей буржуазии, бюрократии и интеллигенции, которые благодаря ценностному консенсусу сформировали идеологически единую национальную элиту. На протяжении второй половины XIX в. и в начале XX в. в этой среде существенный вес имела интеллигенция, так как именно она действовала ради защиты политических интересов консолидированного общества.

Борьба за право получать образование на родном языке была одним из направлений национального движения сербов Австро-Венгрии[4]. Его руководители еще в последней четверти XIX в. акцентировали эту особенность, а также то, какую ценность представляли подрастающие поколения для сербского народа: в этот период дети в публичном пространстве воспринимались чуть ли не соратниками в борьбе за национальные интересы. Складывалась парадоксальная ситуация: сербская элита монархии Габсбургов признавала высокую социальную ценность детей, манипулировала угрозой их будущему в рамках этнической мобилизации против политики мадьяризации[5] на рубеже XIX–XX вв., но не уделяла им должного внимания как социальной группе и феномену детства как таковому. Несмотря на то, что внешне сербское общество демонстрировало признаки модернизации, в отношении к детям оно проявляло себя как традиционное: мир детства воспринимался частью мира взрослых, дети выступали как младшие партнеры в труде и отдыхе, их быт не

[4] *Васин Г.* Српски црквено-народни сабори и питање црквено-школске аутономије 1867–1918 // Стотину двадесет година од почетка борбе српског народа у Босни и Херцеговини за црквено-школску аутономију (1896–2016) / уредио Б. Микановић. Бања Лука: Универзитет и Бањој Луци, 2017. С. 51–70.

[5] Мадьяризация – в определении Т.М. Исламова, политика утверждения господствующего положения мадьяр в Венгерском королевстве путем форсированной искусственной ассимиляции нетитульных наций государства. В 1880–1890-е гг. реализация программы осуществлялась через деятельность культурно-просветительских объединений, миссия которых заключалась в распространении венгерского языка и культуры среди представителей немадьярских подданных королевства. Подробнее см.: *Исламов Т.М.* Политика мадьяризации и национальные конфликты в 80-х – 90-х годах XIX в. // История Венгрии / под редакцией Т.М. Исламова. Т. 2. Москва: Наука, 1972. С. 275–281. В сербской историографии еще в межвоенный период утвердилось мнение, что мадьяризации в первую очередь подверглись немногочисленные образовательные учреждения начальных ступеней с сербским языком преподавания, курируемые Карловицкой митрополией. Подробнее см.: *Кириловић Д.* Помађаривање у бившој Угарској. Прилог историји српских школа. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1935.

был обособлен[6]. Вместе с тем исследователи отмечают, что в начале XX в. из представлений о том, что дети обладают правами, производными от прав человека, пришло осознание особых их потребностей[7]. На наш взгляд, эта тенденция прослеживается и на примере сербского сообщества, правда, с тем уточнением, что дети не обладали правами, но разделяли проблемы этнического меньшинства в многонациональной Австро-Венгерской империи.

Элита демонстрировала обеспокоенность высокой смертностью и минимальным приростом населения, вызванными прохождением сербским обществом первого этапа демографического перехода[8]. Средства массовой информации публиковали материалы о потенциальном исчезновении сербской нации под нажимом ассимиляции и в процессе вымирания, чем вызвали в обществе смятение, вылившееся в социальную рефлексию. В поисках ответа на вопрос, как сберечь нацию, и последовал сдвиг в понимании детства – от представлений, бытовавших в традиционной крестьянской культуре, к взглядам эпохи модерна. Механизмы этого сдвига описаны в классической работе Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке»[9], и хотя методы и некоторые выводы автора уже более полувека продолжают порождать дискуссии в научном сообществе, его гипотеза о том, что в Новое время детство стало приобретать четкие контуры, а с ними и социальную, и политическую значимость, находит все больше подтверждений.

«Открытие» детства рядом обществ в эпоху модернизации, или в конце XIX – начале XX в. (по крайней мере такие хронологические рамки выделяют специалисты) – явление, можно сказать, распространенное. Историк Катриона Келли отметила, что рубеж веков был периодом, когда элита Российской империи обеспокоилась «отсталостью страны по сравнению с Западом», восхитившись социальной политикой, проводимой в Великобритании и

---

[6] *Шемякин А.Л.* Мир детства сербов в путевых заметках П.А. Ровинского // Славянский альманах 2003 / под редакцией Т.И. Вендиной и др. Москва: Индрик, 2004. С. 78.

[7] *Щеглова С.Н.* Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. Москва: Социум, 2001. URL: http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

[8] *Fassmann H.* Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910 // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918 / Herausgegeben von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Bd. IX. Soziale Strukturen: Von Der Feudal-Agrarischen Zur Burgerlich-Industriellen Gesellschaft. Teilbd. 1. Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2010. S. 166.

[9] *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / перевод с французского Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.

низкими показателями летальности среди младенцев в Норвегии. При этом исследовательница уточнила, что

> озабоченность детской смертностью – это один из признаков внимания, которое было обращено на детство в позднеимперское время[10].

В Венгерском королевстве помимо смертности катализатором общественного интереса к детям стала также проблема беспризорников. В период с 1890-х гг. и до начала Первой мировой войны эти вопросы частично решались усилиями женских благотворительных обществ, которые оказывали финансовую поддержку сиротам и матерям-одиночкам, организовывали детские сады в городах. Благодаря возраставшему присутствию венгерских женщин в публичном пространстве, потребности детей попали в фокус внимания широкой общественности. По инициативе интеллектуальной элиты в 1903 г. было учреждено Общество по изучению детства, в ходе исследований установившее, что дети являются жертвами отсутствия интереса со стороны взрослых и их безграмотности[11]. Наметившиеся перемены были связаны с активностью объединившихся под эгидой Венгерской феминистской ассоциации энтузиастов, которые, по замечанию историка Андреи Петё, транслировали обществу по всем доступным каналам культ ребенка, ориентируясь на ценности среднего класса. Публиковались различные материалы с руководствами по семейной жизни, где были изложены основные принципы воспитания, развития, обучения и развлечения детей. Пионером в этой деятельности была Лаура Поланьи (1882–1957). Другим направлением, результаты деятельности которого по достоинству общество оценило в годы Первой мировой войны, был просветительский проект, посвященный обучению населения уходу за детьми и освоению им элементарной медицинской грамотности[12].

---

[10] *Келли К.* Влияние новой идентичности на культуру: «открытие» детства в позднеимперской России // Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX в.): материалы Международной научной конференции «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» (Москва, 1–2 октября 2009 г.) / составители В.Г. Безрогов, О.Е. Кошелева, М.В. Тендрякова. Москва: РГГУ, 2012. С. 93.

[11] *Pető A.* Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century) // Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century / edited by M. Jovanović, S. Naumović. Београд: Удружење за друштвену историју, 2001. P. 75–77.

[12] *Pető A.* Children and the State in Hungary. P. 78.

Поскольку сербское сообщество Австро-Венгрии оказалось в схожей ситуации, то и выход из нее, вероятно, виделся в осуществлении аналогичных практик – пропаганде культа ребенка. Их реализацию взяла на себя группа активистов во главе с Милицей Томич (1859–1944), тесно сотрудничавшей с Венгерской феминистской организацией. Томич была известна как филантроп, организатор движения сербских женщин за эмансипацию, владелица и главный редактор женского журнала «Жена» («Женщина»), выходившего под ее руководством в Нови-Саде с 1911 по 1921 г. с перерывом на годы Первой мировой войны[13]. Используя журнал как общественную трибуну, подвижники представили публике детей по-новому, с их особенностями и потребностями.

Благодаря исследованиям повседневности ученым в целом известно, как проходила жизнь сербских детей в мире взрослых сербов[14]. Но как направление в сербском социокультурном пространстве «история детства» находится на этапе становления. Среди исследователей стоит упомянуть Дубравку Стоянович[15], Момчило Исича[16] и российского историка А.Л. Шемякина, которые обращались к вопросам детства в рамках изучения модернизационных процессов в Сербии, традиционного крестьянского общества и национальных элит на базе статистических данных и этнографических наблюдений. Важно также отметить коллективную работу «Детство в прошлом», которая хотя и является учебным пособием для средней школы, но в то же время остается единственной на данный момент попыткой представить завершенный образ детства на Балканах в XIX и XX столетиях[17].

Настоящая статья освещает результаты экспериментального исследования, целью которого было на основании материалов журнала «Жена» определить, каким, по мнению сербской интеллектуальной элиты, было/должно было быть

[13] *Новосельцева Л.К.* Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX в.: идеология, организации, лидеры // Центральноевропейские исследования. 2023. Т. 2023, № 6. С. 208–241. https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8

[14] *Тимотијевић М.* Рађање модерне приватности: приватни живот Срба у Хабзбуршкој монархији од краја 17. до почетка 19. века. Београд: Clio, 2006; Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата / приред Н. Макуљевић, А. Столић. Београд: Clio, 2006.

[15] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 160–175.

[16] *Isić M.* Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 131–159.

[17] Детињство у прошлости 19.–20. век. Помоћни наставни материјал / уредио М. Ристовић, Д. Стојановић. Београд: Удружење за за друштвену историју, 2001.

«идеальное детство» в начале XX в. Для ее достижения автор попытался обнаружить границы между детским и взрослым мирами, по крайней мере, понять критерии их разграничения, а также обозначить круг проблем, которые в сербском обществе считались детскими, и пути их решения, предлагавшиеся сообществом специалистов. Их привлечение было принципиальной позицией Милицы Томич как главного редактора издания, поэтому многие его материалы подготовлены врачами и педагогами. Разработка проблематики осуществлялась сотрудниками журнала в формате интервью с ними, в авторских статьях, а также в полезных заметках, чаще заимствованных из профильных медицинских изданий, как сербских («Народно здравље»), так и иностранных (“Allgemeine Wiener medicinische Zeitung”).

Как снизить младенческую смертность и сохранить здоровье детей?

Наибольшую обеспокоенность интеллектуальной элиты вызывала высокая младенческая смертность и, как следствие, ощутимое сокращение численности сербской нации. Важным шагом для преодоления этой тенденции представлялось детабуирование темы деторождения в обществе. В статье «Основы воспитания детей» Вукица Алексиевич рассуждала, что главная наука, которую постигали девушки в сербских семьях – это «готовить, шить, убирать, чтить свекра и свекровь, слушать мужа», при этом большинство из них не знало буквально ничего о детях до появления своего первого ребенка. В качестве причин автор называла традиционные принципы – поколениями женщины в общении с дочерями не говорили о деторождении и не затрагивали темы полового воспитания ввиду постыдности темы[18].

В силу этого женщины оказывались без грамотного наблюдения во время беременности и какого-либо акушерского сопровождения родов, поэтому нередки были случаи несвоевременного обращения за медицинской помощью при патологиях, что влекло за собой гибель как роженицы, так и ребенка. Для младенцев потенциальная опасность заключалась в отсутствии неонатального обследования, опыта и необходимых знаний у матерей, а также зачастую во вредных советах несведущих, но обладавших авторитетом родственников. Например, только родившегося ребенка могли порекомендовать обмыть ледяной водой, в течение первых двух суток жизни вообще не прикладывать к груди и ограничивать в питании до достижения месячного возраста, либо с самого рождения кормить цельным коровьим молоком, в лучшем случае кипяченым. Специалисты призывали тщательно следить за состоянием новорожденных, так как отмечали высокую смертность детей первого месяца жизни от обезвоживания или последствий аллергии на белки коровьего

[18] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце // Жена. 1911. № 1. С. 37.

молока[19]. Врач общей практики Славко Милетич критиковал женщин за отказ от грудного вскармливания, совершаемый чаще из-за трудностей его налаживания или под давлением мужа и родственников[20]. Безусловно, в большинстве случаев это было связано с необходимостью быстро вернуться к трудовой деятельности. Помимо неполноценного питания дети страдали от несоблюдения взрослыми элементарных правил гигиены новорожденных, содержания в неподходящих для здорового развития условиях: в душных, редко проветриваемых и убираемых, небольших по площади комнатах, в которых проживало по несколько человек[21].

Решение этой проблемы специалистами виделось в первую очередь в организации родовспоможения и неонатального контроля, а также в просвещении родителей, которым неравнодушные интеллектуалы предполагали предоставить четкие «инструкции к детям». В первый год жизни ребенка от родных требовалось следить за его физическим и психомоторным развитием и в меньшей степени уделять внимание психосоциальным проблемам, так как считалось, что жизнь ребенка до 1 года представляет собой совокупность сугубо физиологических процессов. В ситуации, когда врачебный контроль развития детей был практически недоступен, матерям рекомендовалось внимательно наблюдать за их состоянием, а лучше всего записывать информацию о каждом этапе развития, указывать особенности, т.е. вести подобие амбулаторной карты, но без медицинской терминологии. Такие сведения значительно облегчили бы работу врачу в случае обращения по болезни[22]. Чтобы врачебное консультирование было своевременным, в журнале публиковались различные памятки, например, содержащие информацию о сезонных заболеваниях, симптомах, инкубационных периодах тех или иных инфекций, а также рекомендации по самостоятельному лечению и т.д.

Медики с сожалением признавали, что невозможно организовать профилактические осмотры детей и взрослых в каждом сербском населенном пункте не столько из-за нехватки квалифицированного персонала, сколько по причинам высокой для сельского населения и низших городских слоев стоимости оказываемых медицинских услуг и недоверия к врачам[23]. О полноценном педиатрическом контроле речь не заходила – даже в случае тяжелого течения болезни родители редко обращались за помощью, исходя из

[19] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 38.

[20] *Милетић С.* Зашто умиру толико деца? // Жена. 1912. № 8. С. 462–463.

[21] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 168.

[22] Кад треба “здрави” да зову лечника? // Жена. 1911. № 1. С. 50–51.

[23] *Томић М.* Сестринска помоћ // Жена. 1911. № 3. С. 165–170.

соображения, что «на все воля Божья»[24]. Тем не менее медики активно выступали за необходимость обязательной диспансеризации хотя бы перед поступлением ребенка в школу. В результате подобных осмотров врачи с сожалением констатировали неутешительный факт: детей с ограниченными возможностями физического и умственного здоровья среди сербских школьников было много. В качестве причин выделяли неполноценное питание, несоблюдение гигиены, многочисленные травмы и вовремя не диагностированные или не долеченные заболевания, которые приводили к инвалидности детей уже в дошкольном возрасте[25].

Авторы журнала старались приводить убедительные доводы в пользу заботы о здоровье детей, подбирая ключи к сердцам взрослых. В первую очередь предупреждали о трудностях содержания и воспитания физически неразвитых, болезненных детей, объясняли, что они «в силу слабости тела не развиваются умственно, поздно начинают говорить, а потому у них скудный разум», и в будущем такие дети станут обузой для родителей. Для кого-то важным аргументом становился тот факт, что сызмальства здоровые люди могут больше работать и зарабатывать. Неравнодушных к проблемам национального бытия наставляли, что настоящая сербская душа может вырасти только в крепком закаленном теле[26].

Первые результаты пропаганды комплексного подхода к воспитанию детей и бережного отношения к их хрупкому здоровью, на наш взгляд, представлены в анонимном эссе «Женский труд и младенческая смертность», опубликованном в 1913 г. Примечательно, что к этому времени сербы стали чаще обращаться за медицинской помощью. Это стало возможным благодаря улучшению финансовых возможностей граждан, увеличению численности врачей и более доступным ценам на их услуги. Тем не менее, как утверждал автор, население Нови-Сада, города с развитой социальной и детской инфраструктурой, прирастало исключительно за счет приезжих – так высока были младенческая и детская смертность. Причину он обнаруживал в возросшей в начале XX в. занятости женщин не только в сельском хозяйстве, но и в торговле, кустарном и промышленном производстве, при сохранении за ними обязанностей по поддержанию порядка в доме, приготовлению пищи и др. Согласно приведенной статистике, меньше всего времени и возможностей ухаживать за детьми было у поглощенных тяжелым трудом крестьянок и уличных

[24] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 168–169.

[25] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 40–41.

[26] Телесно васпитање // Жена. 1912. № 1. С. 60–61.

торговок[27]. Конечно, речь в первую очередь шла о работницах и хозяйках единоличных подворий. Автор статьи рассуждал, что, пока сербы жили в задругах[28], несмотря на специфическое отношение в патриархальной общине к детям, обязанность по уходу за младенцами ложилась на плечи бабушек или женщин, меньше задействованных в тяжелом труде, например, по причине слабого здоровья. Таким образом, за младенцами в подобном сообществе было кому присмотреть, вовремя покормить, отследить состояние здоровья, в отличие от рассматриваемой ситуации, когда, в силу занятости, матери или другие ответственные за ребенка лица исполняли родительские функции не надлежащим образом[29]. Меньше всего детей умирало в семьях служащих, жены которых благодаря относительному семейному достатку могли больше времени и сил уделять заботе о детях и их воспитанию[30].

Проблема социального неравенства и его отражения на судьбах детей не раз поднималась в материалах журнала «Жена». Например, благополучие чиновничьих семей, а точнее преференции, которые им предоставляло государство в связи с пополнением, натолкнуло Милицу Томич на рассуждение о том, что социальные льготы должны распространяться на всех граждан, которые воспитывают детей. Она предложила временно освобождать от уплаты налогов малоимущих родителей, а для стабильно зарабатывающих граждан, за исключением зажиточных, предусмотреть введение пропорционального налога в зависимости от количества детей в семье. Более того, она выдвинула тезис о том, что реализация социальной политики в интересах детей и детства – новая задача, которую должно было решать государство или национальное сообщество[31]. По сути, подобные материалы отражали ожидания сербской интеллектуальной и политической элиты в начале XX в.

Как организовать ребенку здоровое питание?

На практике же предстояло научить взрослых правильно заботиться о детях и удовлетворять хотя бы базовые их потребности, в первую очередь, в еде, поэтому в журнале «Жена» были представлены разнообразные материалы о

[27] Женски напорни рад и умирање мале деце // Жена. 1913. № 5. С. 293–294.

[28] Задруга — патриархальная семья-община у южных славян. Состояла из 20–30 членов, чаще всего родителей и нескольких их сыновей с женами и детьми, проживавших в одном дворе. Воспитанием детей в задруге занимались старшие женщины – бабушка или редуша (от серб. «ред» – порядок, «редуша» – распорядительница), пока матери, как правило, были заняты сельскохозяйственными работами.

[29] Женски напорни рад и умирање мале деце. С. 293–294.

[30] Женски напорни рад и умирање мале деце. С. 293–294.

[31] Старање држави о деце // Жена. 1912. № 1. С. 53–55.

здоровом рационе и культуре питания. Большинство рекомендаций относительно детей в возрасте до года посвящено выстраиванию младенческого распорядка дня, режима сна и приемов пищи. Грудное или искусственное вскармливание рекомендовалось налаживать на второй день после рождения: предлагать ребенку молоко каждые два часа в течение первых четырех–пяти недель, до трех месяцев – каждые два с половиной часа, потом – каждые три часа, постепенно увеличивая интервалы. Поскольку здоровый малыш много спит, советовали его не будить специально для кормления – сон важнее, чем еда. Специалисты подчеркивали важность соблюдения режима как основы будущего воспитания, и, например, советовали

> не кормить младенца по первому требованию по двум причинам: бесконтрольная еда – это перегрузка для детского желудка и потакание его капризам, в то время как соблюдение режима приучает даже такого маленького ребенка к терпению и выдержке[32].

Дисциплинированными должны были быть и родители – в частности, кормящим матерям предлагалось придерживаться диеты. В их рационе приветствовались «молоко, масло, мед, фрукты, яйца, сыры, овощи, зеленые салаты (от 1 до 14,5 ложек), приправленные лимонным соком, но не уксусом; в умеренном количестве мучное и мясо, лучше вареное, домашней птицы, дичи, телятина, ягнятина, говядина». Рекомендовалось исключить из меню вяленое мясо, колбасы и чорбы – сербские густые наваристые супы. В отличие от современных, специалисты начала XX в. ограничивали кормящих матерей в приеме жидкости: пить воду рекомендовали при сильной жажде после обеда и в небольшом количестве, кофе категорически запрещался. Интересно, что против вина, пива, ракии врачи возражали не в связи с их вредом для здоровья младенца, а потому что

> в результате употребления алкогольных напитков меняется вкус грудного молока – оно становится кислым или слишком сладким[33].

Питание детей младшего возраста должно было быть регулярным и сбалансированным, в меню обязательно включали супы, мясо, зелень, овощи, фрукты и черный хлеб[34]. Очевидно, что врачи боролись с молочной диетой, на

[32] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 40–41.

[33] Шта да једе жена док дете доји? // Жена. 1911. № 4. С. 259–260.

[34] «Снажна» дечја храна // Жена. 1912. № 2. С. 119–120; Чиме да ранимо дете од године дана? // Жена. 1911. № 9. С. 578–579.

которой вынуждено «сидели» дети – этой проблеме посвящено несколько материалов. Наиболее емко и доступно мнение специалистов было сформулировано в заметке «Ребенок и молоко»: «Молоко не должно быть единственным продуктом питания для детей!». Особенно это касалось детей, у которых уже были все молочные зубы, ведь им надлежало употреблять пищу с разной текстурой для развития челюстей и формирования правильного прикуса[35]. Исключительно молочное питание приводило к тому, что до 70 % поступающих в школу детей имели стоматологические проблемы, многие из них страдали от анемии и мышечной дистрофии[36]. В первую очередь, это были крестьянские дети, которые, по выражению историка М. Исича,

> с трех-четырехлетнего возраста отрабатывали свой хлеб и, как могли, помогали по хозяйству – ухаживали за домашней птицей, постарше – пасли крупный скот[37].

Но на страницах журнала мы встречаем размышления и о том, стоит ли баловать детей лакомствами и позволять им питаться только сладостями во время праздников. Авторы обратили внимание на увеличение частоты обращений к врачам с детскими жалобами на боль в животе в период Рождества. Конечно, объяснялось это тем, что в праздничные дни дети едят гораздо больше кондитерских изделий, чем обычно, а некоторые даже завтракают только сладостями. Специалисты рекомендовали поддерживать обычный рацион, предлагать детям десерты не раньше обеда и отдавать предпочтение подсушенному бисквиту, конфетам или шоколаду и не угощать пирожными с жирным кремом, конфетами с ликером или миндалем. Не поощрялось употребление пищи перед сном в постели, даже если речь шла о яблоках, орехах, конфетах. Категорически возбранялось есть после вечерних гигиенических процедур. Важным считалось научить детей правильно раскалывать орехи и объяснить им, что это нельзя делать зубами. Кроме того, родителей призывали обращать внимание на посуду, в которой готовится пища для детей и с которой они играют самостоятельно. Одной из настоятельных рекомендаций был отказ от эмалированной посуды из-за содержания в ней олова и выделения его оксида в пищу при нагревании[38].

---

[35] Дете и млеко? // Жена. 1911. № 4. С. 259–260.

[36] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 170.

[37] *Исић М.* Сељаштво у Србији 1918–1941. Књ.1. Београд: Институт за новију историју Србије, 2000. С. 249.

[38] Празници и дечје здравље // Жена. 1912. № 1. С. 57–58.

Проблема организации правильного питания для детей разных возрастов подробно и последовательно освещена на страницах журнала «Жена». Представляется, что это был незамысловатый, но действенный способ обратить внимание читающей аудитории на различия между взрослыми и детьми и подчеркнуть, что круг базовых детских потребностей значительно шире, и родители должны их удовлетворять по мере возможностей. Демонстрируя диаметральные по содержанию зарисовки из жизни – в то время как одни дети вынуждены были питаться только молоком, других ограничивали в лакомствах – авторы, на наш взгляд, пытались донести простую истину, что для здорового развития любому ребенку нужно умеренное сбалансированное питание без излишеств и ограничений. Более того, транслировалась мысль, что еду нельзя использовать как средство воспитания, в первую очередь, нельзя наказывать голодом, потому что такое ограничение на регулярной основе негативно сказывается на физическом и психическом здоровье детей[39].

Как научить детей соблюдать гигиену и вести активный образ жизни?

Антрополог Каталин Юхас на примере венгерского общества, начиная с рубежа XIX–XX вв., выделила пять моделей поддержания чистоты и гигиены и определила их тесную связь с процессом «обуржуазивания крестьянства». До начала 1910-х гг. господствовали архаичные крестьянские гигиенические практики, имевшие мало общего со здоровым образом жизни и поддержанием удовлетворительного санитарного состояния жилища, поскольку были ограничены борьбой с паразитами и удалением грязи с видимых частей тела. Модернизация деревни способствовала распространению гигиенических практик горожан среди сельских жителей, которые под влиянием школьного образования, пропаганды и улучшения качества здравоохранения их перенимали. Привычными становились ежедневные утренние и вечерние процедуры (умывание, очищение рук и ног, обливание выше пояса) и полноценное мытье раз в неделю. Видимых результатов удалось добиться в отношении детей – в школах обязательным требованием стала чистота лица, шеи, ушей и ногтей[40].

Сербская интеллектуальная элита в начале XX в. также надеялась решить проблему пренебрежения гигиеной с помощью пропаганды и профилактических мероприятий среди школьников, которые оценивались как самое эффективное средство. В журнале «Жена» представлены

[39] Не кажњавајте децу глађу! // Жена. 1912. № 2. С.118–119.

[40] *Юхас К.* Грязь для чистоты? Опыт этнографического изучения использования воды в целях гигиены // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 1. С. 31–59. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

многочисленные материалы по организации порядка в доме и поддержанию чистоты, даны рекомендации по уходу за телом соответственно возрасту.

Особое внимание уделялось гигиене самых маленьких – младенцев надлежало купать каждый день в теплой воде и следить, чтобы в уши не попадала вода, закрывая их ватой[41]. На страницах издания присутствовала реклама товаров, облегчающих уход за новорожденными, например, муслиновых пеленок Марии Латвезен и хлопковых вставок в подгузники. Очевидно, что пользоваться ими могли только в обеспеченных семьях. В рекламном тексте утверждалось, что муслиновые пеленки –

> лучшее решение для горожан, обитателей небольших квартир – за их стирку недорого берут прачки, при необходимости можно постирать и высушить дома, а также их легко брать с собой в путешествие, потому что они не займут много места в багаже[42].

Ежедневная гигиена детей постарше заключалась в чистке зубов и умывании прохладной водой, примерно 24 градуса, утром и вечером; также настоятельно рекомендовалось обливание холодной водой перед сном для закаливания. С восьмилетнего возраста дети должны были уже сами осуществлять основные гигиенические процедуры, однако родителей призывали контролировать уход за глазами, ушами и носом, проверять их на предмет наличия инородных предметов и обращаться к врачу для извлечения[43]. Также важно было научить детей ухаживать за ногтями: «еженедельно стричь их острыми ножницами, палочкой из слоновой кости отодвигать кожицу, чтобы не образовывались заусеницы»[44].

На взрослых также возлагалась ответственность за поддержание чистоты и свежести одежды и помещения, в котором содержались дети. Предметы гардероба необходимо было регулярно стирать и полоскать в воде при температуре 18 градусов. Предпочтение следовало отдавать одежде из легких и мягких тканей, чтобы она хорошо стиралась и быстро высыхала. Элементы костюма не должны были стеснять движений, в частности мальчикам не рекомендовалось носить узкие брюки. Подчеркивалось, что детей нужно одевать по сезону – поддевы использовать в холодное время года, а не в летнюю жару. Специалисты советовали поддерживать чистоту и свежий воздух в комнате, где дети проводят больше всего времени, обязательно проветривать

[41] Кад купамо и умивамо децу // Жена. 1912. № 5. С. 316.
[42] Нове пелене // Жена. 1912. № 5. С. 322.
[43] Страни предмети у носу // Жена. 1911. № 11. С. 709.
[44] Неговање ноктију код деце // Жена. 1911. № 12. С. 767–768.

перед сном, чтобы установилась рекомендованная температура 16 градусов. Спать им полагалось на матрасе без перины, под одеялом, а летом и без него[45].

Авторы колонки о здоровье обращали внимание публики на вопросы интимной гигиены и полового воспитания детей и подростков. Транслировалась мысль, почерпнутая из материалов международной конференции о гигиене школьников, что над этой проблемой сообща должны работать родители и образовательные учреждения в рамках профилактических мероприятий и бесед по половому воспитанию. Предполагалось на уроках знакомить учеников начальной школы с основами интимной гигиены, а с подростками – обсуждать не только физиологическую, но и морально-этическую сторону вопроса. Вести такие занятия доверили бы врачам и опытным педагогам с разрешения родителей, которых считалось разумным приглашать на занятия младших школьников для того чтобы ознакомить с санитарно-гигиеническими нормами и показателями здорового развития детей[46]. Однако такие намерения выглядели преждевременными для общества с патриархальными взглядами на личную жизнь человека и, думается, поэтому были опосредованно представлены публике в виде заметки о специализированной конференции. Тем не менее, это была реакция на актуальную проблему, для которой авторы постарались найти комфортное решение – в нескольких номерах журнала в переводе на сербский опубликовали выдержки из книги финского врача, специалиста по гигиене и здравоохранению, профессора университета в Хельсинки Максимиллиана Окер-Блома (1863–1917) «Чему Марта научилась у дяди-доктора в деревне: книга для родителей». В пособии понятным для обывателя языком, без сложной медицинский терминологии, были изложены основы полового воспитания подростков, представлены конкретные ситуации, которые родители могли бы привести в пример в разговоре с детьми.

Вместе с советами по соблюдению гигиенических норм часто публиковались и рекомендации по физической активности, необходимой для поддержания здоровья детей. В первую очередь речь шла о балансе между учебой и отдыхом: «хорошо, если дети проводят вечернее время на свежем воздухе, общаются, танцуют, поют, играют в подвижные игры»[47]. Утром рекомендовалась обязательная зарядка, причем девочки и мальчики должны были выполнять разные упражнения[48]. Поощрялись такие зимние забавы как катание на санках и коньках, а если вьюга или сильный мороз вынуждали оставаться дома, то для

[45] Како да сачувамо децу од велика зла // Жена. 1911. № 2. С. 132.
[46] Међународни збор за школску хигијену у Паризу // Жена. 1911. № 2. С. 130–131.
[47] Како да сачувамо децу од велика зла. С. 132.
[48] Подједнака гимнастичка вежбања мушке и женске деце // Жена. 1911. № 9. С. 580.

детей предлагалось полезное для здоровья развлечение – надувание мыльных пузырей. И руки вымыты с мылом, и выполнена дыхательная гимнастика! Но самая главная рекомендация, конечно, была в том, чтобы взрослые по возможности составляли детям компанию в подвижных играх, прогулках, занятиях спортом – т.е. личным примером помогали сформировать полезные для здоровья привычки.

Как избавить детей от вредных семейных привычек?

Однако специалисты понимали, что взрослые могли подавать и дурной пример, поэтому в многочисленных заметках уделялось внимание такому вопросу, как вовлечение детей в употребление алкогольных напитков. О масштабах проблемы мы можем судить на основании других источников. В опубликованной в 1909 г. в журнале «Народно здравље» («Здоровье нации») статье «О здоровье школьников» врач Милош Попович охарактеризовал ситуацию как катастрофическую, ссылаясь на комментарии учителей, «которые после трехдневных праздников не могли работать с детьми, страдавшими от похмелья»[49]. Более того, он представил неутешительные результаты опроса учеников основной школы, среди которых почти треть употребляла алкоголь регулярно, две трети – по праздникам (из них почти половина – крепкие напитки), и лишь менее 5 % опрошенных никогда не пробовали спиртного[50]. В рекомендациях по питанию, опубликованных в журнале «Жена», было четко обозначено, что детям нельзя «предлагать ни пиво, ни вино, ни ракию, даже по чуть-чуть», а застольным напитком для них может быть малиновый или виноградный сок[51]. Приучение к распитию спиртного также рассматривали как устаревшую («так веками делали наши несведущие и безответственные предки») и пагубную практику не только для отдельно взятого ребенка, но и для будущего нации в целом[52]. В качестве профилактики предлагался отказ родителей, в первую очередь отцов, от употребления алкоголя, а также пропаганда трезвого образа жизни. Журнал «Жена» публиковал и рекламу специализированных изданий, например, газеты «Нови нараштај» («Новое поколение»), выпускавшейся Обществом абстинентов Хорватии и Славонии и доступной по льготной цене для учащихся и членов сокольского движения[53]. Обыденной вредной привычкой для детей было и курение, борьбу с которым

[49] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 171.

[50] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 171.

[51] Како да сачувамо децу од велика зла // Жена. 1911. № 2. С. 132.

[52] Алкохол и Свето писмо // Жена. 1912. № 1. С. 51.

[53] Књижњвност и уметност // Жена. 1913. № 4. С. 246.

вели в образовательных учреждениях. Гимназическими уставами «курение запрещалось в школе, общественных местах и дома»[54], неизвестно, однако, насколько это правило исполнялось вне школьных стен. Распространение среди детей вредных для здоровья привычек демонстрировало их излишнюю с современной точки зрения вовлеченность в жизнь взрослых, поэтому заострение внимания на этой проблеме в публичном пространстве было способом провести четкую границу между взрослым и детским мирами.

Опубликованные в журнале «Жена» материалы отчасти позволяют реконструировать и травматический опыт, которым, к сожалению, обладало большинство детей. В уже упоминавшейся заметке «Не наказывайте детей голодом» авторы увещевали не лишать ребенка обеда за шалости или плохие оценки, а если он действительно заслуживал наказания, то рекомендовали не морить голодом, а применить силу[55]. Правда, в этом деле призывали не усердствовать, а «подходить с умом и не бить детей по голове, чтобы не нанести несовместимых с жизнью увечий». Как идеальная характеризовалась практика отказа от физического насилия в принципе,

> потому что ребенок, которого ударили, в силу тонкости и несовершенства душевной организации испытывает спектр эмоций, но только не раскаяние в содеянном[56].

Как воспитывать без насилия?

Насилие, как физическое, так и психологическое, было едва ли не единственным инструментом воспитания детей с младенческого до подросткового возраста. Интеллектуальное сообщество фиксировало этот феномен и обращало на него внимание общественности: дети с опытом жертвы в свою очередь применяли насилие или угрожали им как сверстникам, так и взрослым – были известны случаи нападения подростков на учителей с применением холодного и огнестрельного оружия[57]. Те дети, что не выдерживали давления, заканчивали жизнь самоубийством. Рассуждая о том, как изменить ситуацию, сербские интеллектуалы приходили к выводу, что применение родителями силы происходит от неграмотности – т.е. массе людей просто не знакомы другие, ненасильственные способы воздействия на детей.

На наш взгляд, авторы журнала «Жена» искали варианты выхода из замкнутого круга, ориентируясь на накопленный мировой опыт знаний о детях и их воспитании. Во-первых, они предложили по-другому взглянуть на детей и

[54] Детињство у прошлости 19.–20. век. Помоћни наставни материјал. С. 49.
[55] Не кажњавајте децу глађу! // Жена. 1912. № 2. С. 118–119.
[56] Не ударајте дете по глави // Жена. 1911. № 12. С. 768–769.
[57] Самоубијство код деце // Жена. 1912. № 6. С. 359–365.

осознать их ценность. Красноречивым примером было опубликованное в январском номере 1912 г. стихотворение «Что такое ребенок?» – своеобразный опрос на заданную тему. Так, маленькая девочка ответила, что ребенок – это «мамина куколка», а мальчик-подросток заявил, что, когда вырастет, будет знать все, т.е. представил себя носителем универсального знания. Автор отметил, что мать при ответе на вопрос старалась скрыть улыбку и просиявший взгляд и неискренне отвечала: «Ребенок – это обуза, что же еще?» По мнению учителя, дети являлись объектом воздействия: детей нужно всему учить, потому что им нести на своих плечах бремя ответственности за весь мир. Мудрец сравнил детвору с утренней росой – живительной влагой, благодаря которой расцветет в будущем нация. Подводя итог, анонимный автор заключал: «редко какая мать знает, ктó есть на самом деле ее “куколка”»[58].

Во-вторых, родителям рекомендовали принять возложенную на них ответственность за воспитание детей и не перекладывать ее на других родственников или образовательные учреждения. Подчеркивалось, что приемлемая модель поведения – это наставничество, поскольку оно исключает возможность общения с ребенком как с равным, что ранее имело место в сербских традиционных семьях при сохранении установленной иерархии[59]. Такие изменения в субординации требовали от взрослых стабильной линии поведения, поэтому так или иначе в представленных материалах возникала критика матерей за излишне трепетное отношение к детям и потакание их капризам, а отцов – за нетерпеливость и безразличие[60].

Кроме того, родитель в идеале должен был осознавать значимость своих слов и поступков для детей и с учетом этого выстраивать с ними взаимодействие. Напутствуя аудиторию, авторы журнала «Жена» обращались к методу конкретных ситуаций (кейс-методу), нередко предлагая сравнить правильный или неправильный сценарий общения между детьми и родителями. Серьезной «проработанностью» в этом смысле отличается текст «Мать и дитя», опубликованный в январском номере 1912 г. Там описаны разговоры матерей с сыновьями на тему «откуда берутся дети?» В первой описанной семье мать, будучи продуктом своей эпохи и среды, в которой табуировалась тема деторождения, сказала сыну Йовице, что «детей приносит аист, который вылавливает их в колодце, далеко-далеко отсюда». От логичных вопросов о том, откуда аист знает, кому и когда нужно доставить ребенка, как дети не замерзают даже зимой в колодезной воде, играют ли они там с лягушками, она

[58] Шта је дете? // Жена. 1912. № 1. С. 5–7.
[59] *Шемякин А.Л.* Мир детства сербов в путевых заметках П.А. Ровинского. С. 76–77.
[60] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 41.

отмахнулась и, сославшись на занятость, прекратила разговор. В школе мальчик попал в неловкую ситуацию, блеснув знаниями о «грузоподъемности» аистов, что дало одноклассникам повод высмеять его наивную версию появления детей. Более подкованные в вопросе школьники донесли до мальчика истину в скабрезной манере. Расстроенный Йовица уточнил у матери, правду ли она ему сказала, и пересказал, чему научили его приятели. Оценив ситуацию, а самое главное, свою ошибку, женщина не дала комментариев и под угрозой физической расправы запретила сыну приставать к ней «со срамными вопросами». Мальчик сделал выводы о достоверности сведений одноклассников и о том, что мать скрывает от него правду. Как подчеркивал автор под псевдонимом Нели,

> меньше любить ее он не стал, но о доверительных отношениях речи быть и не могло. Йовица теперь знал, что должен скрывать от нее часть своей жизни[61].

Во второй семье разговор состоялся между сыном и матерью, которая была в курсе современных тенденций воспитания и оказалась способной преодолеть собственный дискомфорт от обсуждения подобной темы с сыном. Ребенок неожиданно задал вопрос о том, как появляются дети, но мать быстро нашлась что ответить, поскольку задумывалась об этом ранее. Отец ребенка читал в журнале, как вести подобную беседу, и поначалу им с женой показалось странным говорить детям правду и называть вещи своими именами. Но в итоге родители пришли к выводу, что будет лучше, если ребенок узнает все о процессе зачатия и деторождения от них, чем от других детей или чужих ему взрослых. Поэтому она рассказала, что ребенок развивается в теле матери до момента рождения, о боли, которую испытывают женщины в родах, о том, что они долго восстанавливают здоровье, но вскоре забывают о неприятных ощущениях и радуются тому, как растут и развиваются их малыши. Размышляя об услышанном, мальчик чувствовал себя достаточно взрослым и уважаемым матерью, раз она, пытаясь объяснить сложные вещи, говорила с ним на равных и ничего не утаила от него. Это восхитило ребенка, он стал не только любящим сыном, но и другом своей матери[62].

На наш взгляд, данный текст демонстрирует, как происходила легализация темы деторождения и внедрение комплексного подхода к воспитанию. Материал также представляется важным в концепции общего разграничения детского и взрослого миров, которую реализовывали авторы издания. В

[61] Нели. Мати и дете // Жена. 1912. № 1. С. 33–35.

[62] Нели. Мати и дете. С. 35–36.

описанных ситуациях подчеркивается, что взрослые обладают знаниями, еще не доступными детям, и ответственный родитель должен предпочесть, чтобы ребенок преодолел эту грань с его помощью, а не в силу иных обстоятельств, которые могут оказаться и травматичными. Вместе с тем, читателям предоставлялся выбор – действовать в рамках традиций или изменить свое мышление и поведение ради комфорта и здорового развития детей.

Как сформировать у детей эстетический вкус?

На страницах журнала «Жена» отражено своеобразное видение детской культуры. Очевидно, авторы на момент публикаций еще не определили для себя содержание этого понятия, поэтому сведения об их отношении к материальным и духовным ценностям, созданным самими детьми или для них, отрывочны, но вполне соответствуют транслируемой системе взглядов. Например, в статье Вукицы Алексиевич утверждалось, что игры, с игрушками или без, для детей являются эквивалентом трудовой деятельности взрослых:

> Игрушки и игры – не баловство, они крайне важны для развития, как еда и движение, поэтому подвижные игры особенно полезны для здоровья. Дети должны много времени проводить на свежем воздухе, разумеется, под присмотром взрослых. Коллективные игры необходимы для формирования человеческих качеств[63].

Автор также рекомендовала разумно подходить к выбору игрушек. Безусловно, главным критерием была безопасность – острые и режущие предметы не должны были попасть в детские руки. Особенно тщательно нужно было подбирать игрушки для самых маленьких: предпочтение необходимо отдавать игрушкам из натуральных материалов, важно следить за состоянием предметов из дерева и целлулоида, чтобы цветные краски и лаки, которыми они покрыты, не потрескались и не попали ребенку в рот или глаза[64].

Приветствовалась умеренность, поэтому не стоило дарить детям дорогие игрушки, например кукол в нарядных платьях, «похожих на княгинь из сказок», или упряжку игрушечных лошадей и экипаж. В. Алексиевич констатировала следующее:

> Небогатые люди пройдут мимо такого предложения, вздыхая, что никогда не подарят своим детям такие игрушки. А капризные отпрыски богатых

[63] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке // Жена. 1911. № 2. С. 85.

[64] Празници и дечје здравље. С. 57–58.

> родителей поиграют и быстро забудут, поскольку привыкли получать подарки[65].

Лучше всего дарить такие вещи, которые

> пробудили бы в детях творческое мышление, т.е. те предметы, вокруг которых они «выстроят» игру и сами придумают, как из досок смастерить коляску, из бечевки сделать упряжь или построят куклам домик и сошьют яркий наряд[66].

Сделанная своими руками игрушка для ребенка гораздо ценнее купленной, а дорогие «готовые» игрушки только вредят детской душе: они не дают возможности мыслить, быстро наскучивают и провоцируют чувство неудовлетворенности. Пресыщенность игрушками превращает ребенка в недовольного старичка, который с детства не приучен к простым радостям, не видит жизнь такой прекрасной, как она есть. Также дети, получающие игрушки в подарок, не могут сформировать собственный вкус, а в будущем подвержены чужому влиянию и не обладают твердым и решительным характером[67].

При этом существовало мнение, что взрослые должны оказывать влияние на формирование вкуса у детей и подростков. Так, в мартовском номере 1913 г. авторы рассуждали о вредном влиянии кинематографа на детскую психику. Родителей призывали не поощрять регулярные походы в кинотеатры и следить за тем, какие фильмы смотрят дети, поскольку в основном репертуар был ориентирован на взрослых людей, а поучительные и образовательные картины как правило отсутствовали. Кроме того, безобидное на первый взгляд увлечение могло провоцировать плохое поведение – часть детей игнорировала выполнение домашних обязанностей, допоздна отсутствовали дома, а некоторые шли на кражу денег для покупки билета в кино.

Автор заметки выражал свое негодование родительской и педагогической общественности, допускавшей подобное поведение детей, в забавной, но заставляющей задуматься фразе:

> Ответственные родители вряд ли хотели, чтобы их дети ознакомились с кинокартинами под названиями «Линчевание», «Морские ужасы», «Белая рабыня», «Грешная любовь». При этом кинотеатры посещают до 90 % школьников разных возрастов, естественно, без сопровождения взрослых. Государство, хотя и признает такое времяпровождение небезопасным для

[65] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке. С. 85.
[66] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке. С. 85.
[67] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке. С. 86.

детей, но не запрещает им посещение, перекладывая ответственность на родителей и педагогов, поскольку они должны объяснять детям, что просмотры фильмов в кино – пустая трата времени[68].

Заключение

Разумеется, что в опубликованных заметках и статьях журнала «Жена» не описывались реальные мальчики и девочки, а было представлено отношение к ним узкого круга взрослых людей. Более того, тексты не являются в полной мере отображением жизни, а демонстрируют лишь мнение о том, каким ребенок должен быть – т.е. нормативный канон, по определению И.С. Кона[69]. Однако, в ходе детального изучения материалов становится понятным, что авторы, вскрывая наболевшие проблемы общества, прежде всего ожидали каноничного поведения от взрослых. Если использовать современную терминологию, речь шла об осознанном родительстве, с принципами которого и старались ознакомить публику авторы издания.

Утверждалось, что дети должны правильно развиваться физически и ментально, жить в пригодных условиях, принимать здоровую и полезную пищу – всем этим их в идеале должны были обеспечивать родители. Несомненно, дальнейшего изучения требует вопрос, почему на страницах издания не поднималась тема детского труда. Возможно, это связано с тем, что практика была не распространена в семьях основной читательской аудитории – среднего класса. Но так ли были актуальны его представителям рекомендации по соблюдению гигиены и организации детского питания? Авторское допущение же заключается в том, что интеллектуальная элита в принципе не считала возможной эксплуатацию детей и не оставляла для нее места в «идеальном детстве». Также обращает на себя внимание факт, что на страницах издания практически не представлены материалы педагогической тематики. Вероятно, их отсутствие – сознательный шаг со стороны редакции, потому что в стенах учебных заведений дети, вне сомнения, были детьми, а несоответствие их возраста и положения обнаруживалось вне школы и дома, что было необходимо скорректировать.

В сущности, активисты, сплотившиеся вокруг журнала «Жена», – это представители национальной элиты, в ее понимании Хосе Ортега-и-Гассетом, как группы людей с высоким чувством ответственности. В этой среде бытовало мнение, что, в отличие от сербов, представители других этносов Австро-

[68] Кинематографске представе опасне су по младеж // Жена. 1913. № 3. С. 186–187.

[69] *Кон И.С.* Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 13.

Венгрии имеют большие доходы, рационально управляют хозяйством, благоразумно используют имеющиеся ресурсы, а потому их дети меньше болеют и умирают. Пристальное внимание к традиционным крестьянским семьям было сопряжено с убеждением, что благодаря просвещению и грамотному вмешательству в жизнь сербского села можно было на национальном уровне повлиять на экономическое развитие, снизить летальность, предотвратить эпидемии, привить гигиену и сформировать медицинскую грамотность[70]. А дети и детство в данном случае выступали как точка сближения различных слоев общества, ради них задумывалось и реализовывалось тесное взаимодействие всех сил общества. Более того, журнал «Жена» – пример средства массовой информации, благодаря которому были сформированы новые социальные образцы взаимодействия детей и родителей, получившие развитие в XX в.

[70] *Соколовска В., Трипковић Г.* Друштвени и породични живот Срба у Војводини на почетку 20 века у огледалу Упитног листа Матице Српске // Зборник Матице Српске за друштвене науке. 2012. № 139. С. 250.

Children without childhood?

Historical research related to the phenomenon of childhood in the Serbian socio-cultural space is heavily weighted in favor of studying public education and school as a social institution.[1] Thanks to the work of Serbian and Russian researchers, it is known how the system of education functioned in the Principality of Serbia (The Kingdom of Serbia since 1882) n the last third of the 19th – early 20th century, demonstrating a mechanical increase in the number of educational institutions with consistently low quality indicators: the knowledge gained remained unclaimed by the greater part of the population, since it had little correlation with the needs and living conditions of the peasants who represented the vast majority of the population. Moreover, practical parents who used children's labor in the household believed going to school to be a waste of time.[2]

It can hardly be stated that the attitude towards learning was fundamentally different among the peasants who lived on the other side of the Danube and the Sava, but the peculiarities of life of the Serbs of the Habsburg monarchy made systematic education necessary, first as a practical and then as an internal need. Thanks to the modernization of the empire during the reign of Maria Theresa and Joseph II, the Serbian community underwent a transformation of the social structure much earlier. In the second half of the 18th century, a stratum of educated clergy consolidated, the number of Serbian officers grew in the regular army and regiments of the Military Frontier, and the class of artisans and merchants developed rapidly. By the end of the century, a small but influential class of officials of Serbian origin had emerged and the intelligentsia had taken shape. With its appearance, a civil national culture began to emerge.[3] At the Temišvarski Sabor of 1790, the secular estates challenged the monopoly of the clergy on political power, but they began to fully determine the priorities of the Serbian community later, as a result of the reorganization of the Habsburg monarchy on a dualistic basis in 1867. The movement for the realization of national rights in the Kingdom of Hungary brought together representatives of the bourgeoisie, bureaucracy, and intelligentsia, who formed ideologically unified

[1] S.M. Dujmović, *Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941* (Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021), 13–14.

[2] A.L. Shemyakin, "The System of Public Education in Independent Serbia: Coercion and Need" [in Russian], in *Man in the Balkans: Socio-Cultural Dimension of Modernization in the Balkans: (mid-19th – mid-20th century),* ed. R.P. Grishina (St Peterburg: Aleteiya, 2007), 90–102; M. Isić, "Pismenost u Srbiji u 19. veku," in *Obrazovanje kod Srba kroz vekove: zbornik radova sa naučnog skupa održanog, 09 septembra 2003*, ed. R. Petković (Belgrade: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2003), 63–80.

[3] L. Novoseltseva, "The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography," *Historical Studies on Central Europe*, vol. 2, no. 2 (2022): 131–48, https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

national elite due to the consensus of values. During the second half of the 19th century and the early 20th century, the intelligentsia had significant weight in this environment, since it was the intelligentsia that acted to protect the political interests of the consolidated society.

The struggle for the right to study in their native language was one of the directions of Serbian national movement in Austria-Hungary.[4] As early as in the last quarter of the 19th century, its leaders emphasized that feature and the value of younger generations for the Serbian people: during that period, children were perceived in the public space almost as comrades-in-arms in the struggle for national interests. A paradoxical situation had developed: the Serbian elite of the Habsburg monarchy recognized the high social value of children and manipulated the threat to their future within the framework of ethnic mobilization against the policy of Magyarization[5] at the turn of the 20th century but did not pay due attention to them as a social group and to the phenomenon of childhood as such. Despite the fact that Serbian society showed signs of modernization on the outside, in relation to children it manifested itself as a traditional society: the world of childhood was perceived as part of the adult world, children acted as junior partners in work and recreation, their way of life was not isolated.[6] At the same time, the researchers note that at the beginning of the 20th century, awareness of children's special needs evolved from the idea that they had the rights derived from human rights.[7] In my opinion, this trend can be observed in the Serbian community, with the clarification that children did not have rights but

[4] G. Vasin, "Srpski crkveno-narodni sabori i pitanje crkveno-školske autonomije 1867–1918," *Stotinu dvadeset godina od početka borbe srpskog naroda u Bosni i Hercegovini za crkveno-školsku autonomiju (1896–2016)*, ed. B. Mikanović (Banja Luka: Univerzitet i Banjoj Luci, 2017), 51–70.

[5] As defined by T. Islamov, Magyarization was the policy of asserting the dominant position of the Magyars in the Kingdom of Hungary by means of artificial forced assimilation of non-titular nations of the state. In the 1880s – 90s, the program was implemented through the activities of cultural and educational associations whose mission was to disseminate the Hungarian language and culture among the non-Magyar subjects of the kingdom. For more, see T.M. Islamov, "The Policy of Magyarization and National Conflicts in the 1880s – 1890s" [in Russian], in *History of Hungary*, ed. T.M. Islamov (Moscow: Nauka, 1972), vol. 2, 275–81. Back in the interwar period, Serbian historiography formed an opinion, according to which the few primary educational institutions with the Serbian language of instruction that were supervised by the Metropolitanate of Karlovci were primarily subjected to Magyarization. For more, see D. Kirilović, *Pomađarivanje u bivšoj Ugarskoj. Prilog istoriji srpskih škola* (Sremski Karlovci: Srpska manastirska štamparija, 1935).

[6] A.L. Shemyakin, "The World of Serb Childhood in the Travel Notes of P.A. Rovinskii" [in Russian], in *Slavic Almanac 2003*, ed. T.I. Vendina et al. (Moscow: Indrik, 2004), 78.

[7] S.N. Shcheglova, *Sociology of Children's Rights in Russia: New Century, New Problems, New Prospects* [in Russian] (Moscow: Sotsium, 2001), accessed February 13, 2024, http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf

shared the problems of an ethnic minority in the multinational Austro-Hungarian Empire.

The elite demonstrated concern about high mortality and minimal population growth caused by the passage through the first stage of demographic transition by the Serbian society.[8] The press published materials about the potential disappearance of the Serbian nation under the pressure of assimilation and in the process of dying out, which caused confusion in society, resulting in social reflection. In search of an answer to the question how to save the nation, a shift in the understanding of childhood occurred – from the ideas that existed in traditional peasant culture to the views of the modern era. The mechanisms of that shift are described in the classic work by Philippe Ariès *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life*.[9] Although the author's methods and some of his conclusions have continued to generate discussions in the scientific community for more than half a century, his hypothesis that in the Modern Period childhood began to acquire clear contours and together with them social and political significance finds more and more proof.

The "discovery" of childhood by a number of societies in the era of modernization or in the late 19th – early 20th century (such a chronological framework is identified by the experts) is a widespread phenomenon. Historian Catriona Kelly noted that the turn of the century was a period when the elite of the Russian Empire became concerned about the "backwardness of the country compared to the West," admiring the social policy pursued in the UK and the low mortality rate of infants in Norway. At the same time, the researcher clarified that

> concern about child mortality is one of the signs of attention that was paid to childhood in the late imperial period.[10]

In addition to mortality, the problem of homeless children also became a catalyst for public interest in children in the Kingdom of Hungary. In the period from the 1890s

[8] H. Fassmann, "Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910," in *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918*, hrsg. H. Rumpler, und P. Urbanitsch, Bd. 9, *Soziale Strukturen: Von der Feudal-Agrarischen zur Bürgerlich-Industriellen Gesellschaft*, Teilbd. 1, *Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution* (Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2010), 166.

[9] Ph. Ariès, *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life* [in Russian], trans. Ya.Yu. Startsev, and V.A. Babintsev (Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999).

[10] C. Kelly, "The Impact of New Identity on Culture: The 'Discovery' of Childhood in Late Imperial Russia" [in Russian], in *Minor Subjects of the Great Empire. Philippe Ariès and the History of Childhood in Russia (17th – Early 20th Century): Proceedings of the International Scientific Conference "History of Childhood as a Subject of Research: the Legacy of Ph. Ariès in Europe and in Russia" (Moscow, October 1–2, 2009)*, comp. V.G. Bezrogov, O.E. Kosheleva, and M.V. Tendryakova (Moscow: RGGU, 2012), 93.

and the beginning of the First World War, those issues were partially resolved by the efforts of women's charitable societies, which provided financial support to orphans and single mothers and organized kindergartens in cities. Due to the increased presence of Hungarian women in the public space, the needs of children came into the focus of attention of the general public. At the initiative of the intellectual elite, the Society for the Study of Childhood was founded in 1903. In the course of research, it established that children were "victims of lack of interest on the part of adults and their ignorance."[11] The emerging changes were associated with the activity of the enthusiasts who united under the auspices of the Hungarian Feminist Association. According to historian Andrei Pető, they promoted the cult of the child to society through all available channels, focusing on the values of the middle class. Various materials with manuals on family life were published. They outlined basic principles of upbringing, development, education, and entertainment of children. Laura Polanyi (1882–1957) was a pioneer in that activity. There was also another trend, the results of which the society appreciated during the First World War. It was an educational project dedicated to teaching the population to care for children and mastering basic health literacy.[12]

Since the Serbian community of Austria-Hungary found itself in a similar situation, the way out of it was probably seen in the implementation of similar practices – propaganda of the cult of the child. Their implementation was undertaken by a group of activists led by Milica Tomić (1859–1944), who closely cooperated with the Hungarian Feminist Organization. Tomić was known as a philanthropist, founder of the Serbian women's movement for emancipation, and owner and editor-in-chief of the women's magazine *Žena* [Woman], published under her leadership in Novi Sad from 1911 to 1921 with a break during the First World War.[13] Using the magazine as a public platform, the activists presented children to the public in a new way, with their own peculiar features and needs.

[11] A. Pető, "Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century)," in *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century*, ed. M. Jovanović, and S. Naumović (Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001), 75–77.

[12] Pető, "Children and the State in Hungary," 78.

[13] L.K. Novoseltseva, "Serbian Women's Movement in Austria-Hungary from the Second Half of the 19th to the Early 20th Centuries: Ideology, Organisations, and Leaders" [in Russian], *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya=Central-European Studies*, no. 6 (2023): 208–41, https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8

Thanks to the research of everyday life, scientists generally know how the Serbian children lived in the world of adult Serbs.[14] However, as a direction in the Serbian socio-cultural space, the history of childhood is at the stage of formation. Among the researchers, it is worth mentioning Dubravka Stojanović,[15] Momčilo Isić,[16] and Russian historian A. Shemyakin. They addressed childhood issues as part of the study of modernization processes in Serbia, traditional peasant society, and national elites based on statistical data and ethnographic observations. It is also important to note the collective work *Detinjstvo u prošlosti* [Childhood in the past]. Although it is a textbook for secondary schools, it remains the only attempt undertaken so far to present a complete image of childhood in the Balkans in the 19th – 20th centuries.[17]

This article highlights the results of an experimental study, the purpose of which was to determine what the "perfect childhood" was / should have been in the early 20th century in the opinion of the Serbian intellectual elite according to the materials of the magazine *Žena*. To achieve this purpose, the author of the article tried to find the boundaries between the children's and adult's worlds, at least, to understand the criteria for their differentiation, and to identify a range of problems that were considered children's problems by the Serbian society as well as ways to solve them proposed by the expert community. As the editor-in-chief of the publication, Milica Tomić took a principled stand in the matter of involving experts, which is why many of the materials were prepared by doctors and teachers. The staff of the magazine presented the range of problems the magazine dealt with in the format of interviews with experts, featured articles, and useful pieces, often borrowed from specialized medical publications, both Serbian (*Narodno zdravlje*) and foreign (*Allgemeine Wiener medicinische Zeitung*).

How to reduce infant mortality and maintain children's health?

The greatest concern of the intellectual elite was caused by high infant mortality and, as a result, a noticeable decline in the Serbian population. An important step to overcome that trend was to de-taboo the topic of childbearing in society. In the article

[14] M. Timotijević, *Rađanje moderne privatnosti: privatni život Srba u Habzburškoj monarhiji od kraja 17. do početka 19 veka* (Belgrade: Clio, 2006); N. Makuljević, and A. Stolić., comps. *Privatni život kod Srba u devetnaestom veku* (Belgrade: Clio, 2006).

[15] D. Stojanović, "U senci 'velikog narativa': Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka," in *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka,* ed. L. Perović, knj. 4, *Žena i deca* (Belgrade: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006), 160–75.

[16] M. Isić, "Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata," in *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*, ed. L. Perović, knj. 4, *Žena i deca* (Belgrade: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006), 131–59.

[17] M. Ristović, and D. Stojanović, eds., *Detinjstvo u prošlosti 19.–20. vek. Pomoćni nastavni materijal* (Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001).

Osnovno vaspitanje dece [Fundamentals of parenting], Vukica Aleksijević argued that the main science that the girls learned in Serbian families was "cooking, sewing, cleaning, honoring their father-in-law and mother-in-law, and listening to their husband," while most of them knew literally nothing about children before the birth of their first child. The author cited traditional principles as the reasons for that: for generations, women had not talked about childbirth with their daughters and had not touched on the topic of sex education due to its shameful nature.[18]

Because of that, women found themselves without competent supervision during pregnancy and any obstetric support for childbirth, so there were frequent cases of untimely medical care for pathologies, which entailed death of both the woman in labor and the child. For infants, the potential danger consisted in the lack of neonatal examination, lack of experience and necessary knowledge of mothers, and often harmful advice from ignorant but influential relatives. For example, a newborn could be recommended to be washed in ice-cold water, not to be brought to the breast at all during the first two days of life, and to be limited in nutrition until the age of one month or to be fed whole cow's milk, boiled at best, from the birth. Experts called for careful monitoring of the condition of newborns because they noted high mortality rate of infants in the first month of life from dehydration or the effects of allergies to cow's milk proteins.[19] General practitioner Slavko Miletić criticized women for refusing to breastfeed, often due to difficulties in establishing it or under pressure from their husbands and relatives.[20] Of course, in most cases that was due to the need to quickly return to work. In addition to malnutrition, children suffered from the adults' non-compliance with basic rules of hygiene of newborns that were kept in the conditions unsuitable for healthy development: stuffy, rarely aired and cleaned small rooms, in which several people lived.[21]

Experts saw the solution to that problem primarily in the organization of maternity care and neonatal control as well as in educating parents. Caring intellectuals intended to provide clear "instructions to children" for parents. In the first year of a baby's life, relatives were required to monitor its physical and psychomotor development and to a lesser extent pay attention to psychosocial problems, since it was believed that a child's life up to 1 year was a set of purely physiological processes. In a situation where medical control of babies' development was practically unavailable, mothers were advised to closely monitor their condition and to record information about each stage of development, indicate features, i.e., to keep a semblance of an outpatient chart, but without medical terminology. Such

[18] V. Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," *Žena*, no. 1 (1911): 37.
[19] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 38.
[20] S. Miletić, "Zašto umiru toliko deca?," *Žena*, no. 8 (1912): 462–63.
[21] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 168.

information would greatly facilitate the work of a doctor in case of an illness.[22] In order for medical advice to be timely, various memos were published in the magazine, for example, containing information about seasonal diseases, symptoms, incubation periods of certain infections, recommendations for self-treatment, etc.

Doctors regretfully admitted that it was impossible to organize preventive examinations of children and adults in every Serbian settlement, not so much because of the lack of qualified personnel as because of the high cost of medical services provided for the rural population and the lower urban strata and distrust of doctors.[23] There was no talk of full-fledged pediatric control. Even in the instance of severe illness, parents rarely sought help, being guided by the consideration that "everything is God's will.[24] Nevertheless, doctors actively advocated the need for mandatory medical examinations at least before the child started school. As a result of such examinations, doctors regretfully stated a disappointing fact: there were many children with physical and mental disabilities among Serbian schoolchildren. The reasons were poor nutrition, poor hygiene, numerous injuries, and undiagnosed or untreated diseases that led to disability of children already in preschool age.[25]

The authors of the magazine tried to make convincing arguments in favor of taking care of children's health, picking up the keys to the hearts of adults. First of all, they warned about the difficulties of maintaining and educating physically undeveloped, sickly children, explained that due to the weakness of the body they did not develop mentally, started talking late, and therefore had a poor mind and in the future such children would become a burden to parents. For some, the fact that healthy people can work and earn more from a young age was an important argument. Those who were not indifferent to the problems of national existence were instructed that a real Serbian soul could grow up only in a strong healthy body.[26]

The first results of the propaganda of an integrated approach to the upbringing of children and careful attitude to their fragile health, in our opinion, are presented in the anonymous essay *Ženski naporni rad i umiranje male dece* [Women's labor and infant mortality], published in 1913. It is noteworthy that by that time, Serbs had begun to seek medical assistance more often. That was made possible by improving the financial capabilities of citizens, increasing the number of doctors and more affordable prices for their services. Nevertheless, as the author claimed, infant and child mortality was so high that the population of Novi Sad, a city with a developed social and children's infrastructure, was growing exclusively due to newcomers. He

[22] "Kad treba "zdravi" da zovu lečnika?," *Žena*, no. 1 (1911): 50–51.
[23] M. Tomić, "Sestrinska pomoć," *Žena*, no. 3 (1911): 165–70.
[24] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 168–69.
[25] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 40–41.
[26] "Telesno vaspitanje," *Žena,* no. 1 (1912): 60–61.

found the reason for that in the increased employment of women in the early twentieth century not only in agriculture but also in trade, handicraft, and industrial production, while they still had the responsibilities for maintaining order in the house, cooking, and other household chores. According to the above statistics, female peasants and street vendors engaged in hard work had the least time and opportunities to take care of children.[27] Of course, it was primarily about female workers and owners of individual farmsteads. The author of the article reasoned that while the Serbs lived in zadruga,[28] despite the specific attitude of the patriarchal community towards children, the responsibility for caring for babies fell on the shoulders of grandmothers or women who were less involved in hard work, for example, due to poor health. That is, there was someone to look after babies in such a community, feed them on time, and monitor their health, unlike the situation under consideration, when mothers or other persons responsible for the child were too busy to perform parental functions properly.[29] The least number of children died in the families of officials, as their wives could devote more time and effort to taking care of children and their upbringing due to their relative family wealth.[30]

The problem of social inequality and its reflection on the fate of children was raised more than once in the publications of the magazine *Žena*. For example, the well-being of the families of officials, or rather the preferences that the state granted them in connection with childbirth, prompted Milica Tomić to argue that social benefits should be extended to all citizens who raise children. She proposed to temporarily exempt low-income parents from paying taxes and to introduce a proportional tax depending on the number of children in the family for the citizens with a stable income with the exception of the wealthy. Moreover, she put forward the thesis that the implementation of social policy in the interests of children and childhood was a new task that the state or the national community had to solve.[31] In fact, such publications reflected the expectations of Serbian intellectual and political elite at the beginning of the 20th century.

[27] "Ženski naporni rad i umiranje male dece," *Žena*, no. 5 (1913): 293–94.

[28] Zadruga is a patriarchal family community among the southern Slavs. It consisted of 20–30 members, most often parents and several of their sons with their wives and children, who lived in the same homestead. Older women – grandmother or *reduša* (from Serbian *red* [order], *reduša* – manager, administrator) – were involved in the upbringing of children in the zadruga, while mothers were usually busy with agricultural work.

[29] "Ženski naporni rad," 293–94.

[30] "Ženski naporni rad," 293–94.

[31] "Staranje državi o dece," *Žena*, no. 1 (1912): 53–55.

How to organize healthy nutrition for your child?

In practice, it was necessary to teach adults how to properly take care of their children and meet their basic needs at least, primarily in food. Therefore, a variety of materials on healthy diet and food culture were published in the *Žena* magazine. Most of the recommendations for children under the age of one year were devoted to building an infant's daily routine, sleep patterns, and meals. Breastfeeding or bottle-feeding was recommended to put on track on the second day after birth: to offer milk to the infant every two hours for the first four to five weeks, every two and a half hours up to three months, and then every three hours, gradually increasing the intervals. Since a healthy baby sleeps a lot, it was advised not to wake it up specifically for feeding: sleep is more important than food. Experts emphasized the importance of following daily routine as the basis for future upbringing, and, for example, advised not to feed the baby on demand for two reasons:

> uncontrolled food is an overload for the baby's stomach and indulging its whims, while following the routine trains even such a small baby to patience and forbearance.[32]

Parents also had to be disciplined; in particular, breastfeeding mothers were asked to follow a special diet. It welcomed "milk, butter, honey, fruit, eggs, cheese, vegetables, green salads (from 1 to 14.5 spoons) seasoned with lemon juice but not vinegar; farinaceous foods and poultry, game, veal, lamb, beef, preferably boiled, in moderate amounts." It was recommended to exclude dried meat, sausages, and chorba (Serbian thick rich soups). Unlike today, the experts of the early 20th century restricted nursing mothers in taking liquids: it was recommended to drink water in small quantities in case of severe thirst after lunch and coffee was strictly prohibited. Interestingly, doctors objected to wine, beer, and raki not because they were harmful to the health of the baby but because alcoholic beverages changed the taste of breast milk, "it becomes sour or too sweet."[33]

The diet of young children had to be regular and balanced. The menu should necessarily include soups, meat, herbs, vegetables, fruit, and brown bread.[34] It is obvious that doctors were struggling with a dairy diet, which children were forced to follow: several publications were devoted to that problem. The most succinct and accessible expert opinion was formulated in the piece *Dete i mleko?* [Baby and milk]: "Milk should not be the only food for children!" That was especially true for the

[32] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 40–41.

[33] "Šta da jede žena dok dete doji?," *Žena*, no. 4 (1911): 259–60.

[34] "'Snažna' dečja hrana," *Žena*, no. 2 (1912): 119–20; "Čime da ranimo dete od godine dana?," *Žena*, no. 9 (1911): 578–79.

children who already had all their baby teeth because they had to eat food with different textures to develop their jaws and form a correct bite.[35] Exclusively dairy-based nutrition led to the fact that up to 70% of children entering school had dental problems; many of them suffered from anemia and muscular dystrophy.[36] First of all, these were peasant children. According to historian M. Isić,

> from the age of three or four, they earned their bread and helped around the house as best they could (looked after poultry and herded large cattle when they grew older).[37]

However, in the pages of the magazine we also find reflections on whether it was worth pampering children with treats and allowing them to eat only sweets during the holidays. The authors drew attention to an increased frequency of visits to doctors with children's complaints of abdominal pain during the Christmas period. Of course, that was explained by the fact that children ate much more confectionery than usual on holidays and some even had only sweets for breakfast. Experts recommended maintaining a regular diet, offering desserts to children no earlier than lunch and giving preference to dried biscuits, sweets or chocolate, and not treating them to cakes with cream, liqueur, or almonds. Eating in bed before going to sleep was not encouraged even if it was about apples, nuts, and candies. It was strictly forbidden to eat after evening hygiene procedures. It was considered important to teach children how to crack nuts correctly and explain them that it was not to be done with their teeth. In addition, parents were urged to pay attention to the kitchen utensils used for preparing food for children and the dishes with which they played on their own. One of the urgent recommendations was to abandon enameled dishes due to the content of tin in it and the release of its oxide into food when heated.[38]

The problem of organizing proper nutrition for children of different ages is covered in detail and consistently in the pages of the *Žena* magazine. It seems that it was an uncomplicated but effective way to draw the readers' attention to the differences between adults and children and emphasize that the range of basic children's needs was much wider and that parents were to meet them as far as possible. Demonstrating life sketches diametrically opposite in contents (while some children were forced to eat only milk, others were limited in treats), as it seems to me, the authors tried to convey the simple truth that to grow healthy, any child needs a moderate balanced

[35] "Dete i mleko?," *Žena*, no. 4 (1911): 259–60.

[36] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 170.

[37] M. Isić, *Seljaštvo u Srbiji 1918–1941*, knj.1 (Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije, 2000), 249.

[38] "Praznici i dečje zdravlje," *Žena*, no. 1 (1912): 57–58.

diet without excesses and restrictions. Moreover, the idea was conveyed that food should not be used as a means of upbringing and children should not be punished by hunger in the first place because such restriction on a regular basis could have a negative effect on the physical and mental health of children.[39]

How to teach children to maintain hygiene and lead an active lifestyle?

Using the example of Hungarian society starting from the turn of the 20th century, anthropologist Katalin Juhász singled out five models of maintaining cleanliness and hygiene and identified their close connection with the process of "bourgeoisization of the peasantry." Until the early 1910s, archaic peasant hygiene practices prevailed. They had little to do with a healthy lifestyle and maintaining a satisfactory sanitary condition of the abode, since they were limited to fighting parasites and removing dirt from visible parts of the body. Modernization of the village contributed to the spread of hygienic practices of city-dwellers among rural residents, who adopted them under the influence of school education, propaganda, and improvement of the quality of health care. Daily morning and evening procedures became customary (washing, cleansing hands and feet, showering above the waist) as well as a full-fledged bathing once a week. Visible results were achieved in relation to children – cleanliness of the face, neck, ears and nails became mandatory in schools.[40]

In the early 20th century, Serbian intellectual elite also hoped to solve the problem of neglecting hygiene through propaganda and preventive measures among schoolchildren, which were considered the most effective means. The *Žena* magazine presented numerous materials on organizing order in the house and maintaining cleanliness, and offered recommendations on body care according to age.

Special attention was paid to the hygiene of the youngest – infants had to be bathed every day in warm water and care had to be taken to prevent water from getting into their ears, which were to be covered with cotton wool.[41] The pages of magazine contained advertisements of the goods that facilitated the care of newborns, for example, muslin swaddling clothes by Maria Latvesen and cotton inserts in diapers. Obviously, they could only be used in well-off families. The advertisement claimed that muslin clothes were

> the best solution for citizens, residents of small apartments as laundresses charged inexpensively for washing them; they could be washed and dried at

[39] "Ne kažnjavajte decu glađu!," *Žena*, no. 2 (1912): 118–19.

[40] K. Juhász, "Pollution for Cleanliness? Lessons from an Ethnographic Research on the Rural Use of Water for Hygienic Purposes," *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 2, no. 1 (2018): 31–59, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

[41] "Kad kupamo i umivamo decu," *Žena*, no. 5 (1912): 316.

> home if necessary, and they were also easy to take on a trip, because they would not take up much space in the luggage.[42]

The daily hygiene of older children consisted of brushing their teeth and washing with cool water (about 24 degrees) in the morning and in the evening. Pouring cold water on the body before going to bed for developing resistance to the cold was also strongly recommended. From the age of eight, children had to carry out basic hygiene procedures themselves, but parents were urged to control the care of their eyes, ears, and nose, check them for foreign objects, and consult a doctor for extraction.[43] It was also important to teach children how to take care of their nails: "cut them weekly with sharp scissors and move the skin with an ivory stick so that hangnails do not form."[44]

Adults were also responsible for maintaining cleanliness and freshness of clothes and the room in which the children were kept. Clothes had to be washed regularly and rinsed in water at the temperature of 18 degrees. Preference should be given to clothes made of light and soft fabrics so that they were well washed and dried quickly. The elements of clothing were not supposed to restrict movement, in particular, boys were not recommended to wear tight trousers. It was emphasized that children should be dressed according to the season: warm underwear should be used in the cold season but not in the summer heat. Experts advised to keep air clean and fresh in the room where children spent most of their time. It was recommended to air the room before going to bed so that the recommended temperature of 16 degrees was set. Children were supposed to sleep on a mattress without a feather bed under a blanket and without it in the summer.[45]

The authors of the health column drew the public's attention to the issues of intimate hygiene and sexual education of children and adolescents. The idea borrowed from the proceedings of the international conference on schoolchildren's hygiene was conveyed. According to it, parents and educational institutions should work together on that problem as part of preventive measures and discussions on sex education. It was supposed to introduce elementary school students to the basics of intimate hygiene in the lessons and to discuss not only the physiological but also the moral and ethical side of the issue with teenagers. Doctors and experienced teachers would be entrusted to teach such classes with the permission of parents; it was considered reasonable to invite them to classes for younger schoolchildren in order to familiarize them with sanitary and hygienic standards and indicators of healthy

[42] "Nove pelene," *Žena*, no. 5 (1912): 322.
[43] "Strani predmeti u nosu," *Žena*, no. 11 (1911): 709.
[44] "Negovanje noktiju kod dece," *Žena*, no. 12 (1911): 767–68.
[45] "Kako da sačuvamo decu od velika zla," *Žena*, no. 2 (1911): 132.

development of children.[46] However, such intentions looked premature for a society with patriarchal views on a person's private life and, it seems, that is why they were indirectly presented to the public in the form of a correspondence about a specialized conference. Nevertheless, it was a response to an urgent problem, for which the authors tried to find a comfortable solution. In several issues of the magazine they published excerpts in Serbian translation from the book *What Martha Learned from Her Uncle the Doctor in the Village: A Book for Parents* by Maximilian Oker-Blom (1863–1917), a Finnish doctor, specialist in hygiene and health care, professor at the University of Helsinki. In a language understandable to an average person, using no complex medical terminology, the book outlined the basics of sex education for teenagers and presented specific situations that parents could use as examples in conversations with their children.

Along with advice on hygiene standards, recommendations on physical activity necessary to maintain children's health were often published. First of all, it was about the balance between study and recreation: "It is good if children spend their evenings outdoors, socialize, dance, sing, and play active outdoor games."[47] Mandatory morning exercises were recommended, and girls and boys had to perform different exercises.[48] Winter activities such as sledding and ice skating were encouraged, and if a blizzard or severe frost forced children to stay indoors, blowing soap bubbles was offered as healthy entertainment. Hands were washed with soap, and breathing exercises were performed! But the most important recommendation, of course, was that if possible, adults should keep children company in outdoor games, walks, sports, i.e., they helped to form healthy habits by their personal example.

How to rid children of bad family habits?

However, experts understood that adults could set a bad example, so numerous pieces paid attention to the issue of involving children in the consumption of alcoholic beverages. We can imagine the scale of the problem referring to other sources. In the article *On the Health of Schoolchildren* published in the magazine *Narodno zdravlje* [Health of the Nation] in 1909, doctor Miloš Popović described the situation as catastrophic, citing comments from teachers "who, after three-day holidays, could not work with hangover children."[49] Moreover, he presented disappointing results of a survey of primary school pupils, among whom almost a third drank alcohol regularly, two thirds did it on holidays (of which almost half

[46] "Međunarodni zbor za školsku higijenu u Parizu," *Žena*, no. 2 (1911): 130–31.

[47] "Kako da sačuvamo decu od velika zla," 132.

[48] "Podjednaka gimnastička vežbanja muške i ženske dece," *Žena*, no. 9 (1911): 580.

[49] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 171.

drank strong drinks), and only less than 5% of respondents had never tasted alcohol.[50] In the nutrition recommendations published in the *Žena* magazine, it was clearly stated that children should not be "offered beer, wine, or raki, even a little bit," and raspberry or grape juice could be a table drink for them.[51] The habituation to drinking alcohol was also considered an outdated ("our ignorant and irresponsible ancestors did this for centuries") and harmful practice not only for an individual child but also for the future of the nation as a whole.[52] As a preventive measure, it was proposed that parents, primarily fathers, should give up alcohol and a sober lifestyle should be promoted. The *Žena* magazine also published advertisements for specialized publications, for example, the newspaper *Novi naraštaj* [New Generation], issued by the Society of the Abstinents of Croatia and Slavonia and available at a discounted price for students and members of the Sokol movement.[53] Smoking was also a common bad habit for children. It was combated at educational institutions. Gymnasium regulations "prohibited smoking at school, in public places, and at home."[54] However, it is not known how much that rule was observed outside the school walls. The spread of unhealthy habits among children demonstrated their excessive from the present-day point of view involvement in the adult life, so focusing attention on that problem in the public space was a way to draw a clear line between the adults' and children's worlds.

The materials published in the *Žena* magazine partly allow us to reconstruct the traumatic experience, which, unfortunately, most children had. In the abovementioned piece *Ne kažnjavajte decu glađu!* [Do not punish children with hunger], the authors admonished not to deprive a child of lunch for pranks or bad marks, but if he really deserved punishment, they recommended using force rather than starving.[55] However, they urged not to be zealous in doing that but "to be wise and not to hit children on the head so as not to cause injuries incompatible with life." The practice of renouncing physical violence in principle was described as ideal

> because due to the subtlety and imperfection of the mental organization, the child who was hit experiences a wide range of emotions, but not remorse for what he did.[56]

[50] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 171.
[51] "Kako da sačuvamo decu od velika zla," 132.
[52] "Alkohol i Sveto pismo," *Žena*, no. 1 (1912): 51.
[53] "Književnjvnost i umetnost," *Žena*, no. 4 (1913): 246.
[54] Ristović and Stojanović, *Detinjstvo u prošlosti 19.–20. vek*, 49.
[55] "Ne kažnjavajte decu glađu!," *Žena*, no. 2 (1912): 118–19.
[56] "Ne udarajte dete po glavi," *Žena*, no. 12 (1911): 768–69.

How to raise children without violence?

Violence, both physical and psychological, was almost the only tool for raising children from infancy to adolescence. The intellectual community recorded that phenomenon and drew public attention to it: children with victim experience, in turn, used violence or threatened both their peers and adults (there were instances of teenagers attacking teachers with cold steel and firearms.[57] Those children who could not stand the pressure ended up committing suicide. Talking about how to change the situation, Serbian intellectuals came to the conclusion that the use of force by parents came from illiteracy, i.e., masses of people were simply unfamiliar with other, nonviolent, ways of influencing children.

In our opinion, the authors of the *Žena* magazine were looking for ways out of the vicious circle, focusing on the accumulated experience and knowledge about children and their upbringing. Firstly, they offered to look at children in a different way and to realize their value. An eloquent example was the poem *Šta je dete?* [What is a child?], published in the January issue of1912. It was a kind of survey of the given topic. A little girl replied that the child was a "mother's doll." A teenage boy said that when he grew up, he would know everything, i.e., he presented himself as a bearer of universal knowledge. The author noted that when answering the question, a mother tried to hide a smile and a beaming look and answered insincerely, "A child is a burden, what else?" According to a teacher, children were the object of influence: they needed to be taught everything because they were to bear the burden of responsibility for the whole world on their shoulders. A sage compared children to the morning dew – the life-giving moisture, thanks to which the nation would flourish in the future. Summing up, the anonymous author concluded: "Rarely does any mother know who her "doll" really is."[58]

Secondly, parents were advised to accept the responsibility assigned to them for the upbringing of children and not to shift it to other relatives or educational institutions. It was emphasized that mentoring was an acceptable model of behavior, since it excluded the possibility of communicating with a child as an equal, which had taken place in traditional Serbian families previously, while maintaining the established hierarchy.[59] Such changes in subordination required adults to have a stable line of behavior, which is why the publications under consideration contained criticism of mothers for being overly sensitive to children and indulging their whims, and of fathers, for their impatience and indifference.[60]

[57] "Samoubijstvo kod dece," *Žena*, no. 6 (1912): 359–65.
[58] "Šta je dete?," *Žena*, no. 1 (1912): 5–7.
[59] Shemyakin, "The World of Serb Childhood," 76–77.
[60] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 41.

In addition, ideally, the parents should have been aware of the significance of their words and actions for the children and build interaction with them taking that into account. Instructing the audience, the authors of the *Žena* magazine turned to the method of specific situations (case method), often offering to compare a correct or incorrect scenarios of communication between children and parents. The text *Mati i dete* [Mother and Child] published in the January issue of 1912 is distinguished by serious "elaboration" in that respect. It describes conversations between mothers and sons on the topic "where do babies come from?" In the first family described in the text, being a product of her era and the environment where the topic of childbearing was tabooed, the mother told her son Jovica that children were "brought by a stork that fishes them out from a well far-far away from." She waved away logical questions how the stork knew who needed a baby to be delivered and when, how children did not freeze in winter in well water, if they played with frogs and cut short the conversation referring to her busyness. Parading his knowledge about the "carrying capacity" of storks at school, the boy got into an awkward situation, which gave classmates an excuse to ridicule his naive version of the appearance of children. More knowledgeable classmates brought the truth to the boy in a scabrous manner. Upset Jovica asked his mother if she had told him the truth and retold what his friends had taught him. Assessing the situation and, most importantly, her mistake, the woman did not comment and forbade her son to bother her "with shameful questions" under the threat of physical violence. The boy drew conclusions about the reliability of his classmates' information and that his mother was hiding the truth from him. As the author under the pseudonym Neli emphasized:

> He did not love her less, but there could be no question of a trusting relationship. Jovica now knew that he had to hide part of his life from her.[61]

In the second family, the conversation took place between the son and the mother who was aware of current parenting trends and was able to overcome her own discomfort from discussing such a topic with her son. The child suddenly asked a question about how children are born, but the mother quickly found something to answer because she had thought about that earlier. The child's father had read in a magazine how to conduct such a conversation and at first he and his wife found it strange to tell the children the truth and call things by their proper names. But in the end, the parents came to the conclusion that it would be better if the child learnt everything about the process of conception and childbirth from them than from other children or adults who were strangers to him. Therefore, she told her son that a baby grew in the mother's body until the moment of birth and that women suffered great

[61] Neli, "Mati i dete," *Žena*, no. 1 (1912): 33–35.

pain in childbirth and restored their health for a long time but soon forgot about unpleasant sensations and rejoiced at how their babies grew and developed. Reflecting on what he had heard, the boy felt quite grown up and respected by his mother because trying to explain difficult things, she spoke to him as an equal and did not hide anything from him. This delighted the child, and he became not only a loving son but also a friend to his mother.[62]

In our opinion, this text demonstrates how the legalization of the topic of childbearing and the introduction of an integrated approach to education took place. The material also seems to be important in the concept of general differentiation of the child and adult worlds, which was implemented by the contributors to the periodical. In the situations described, it was emphasized that adults possessed knowledge that was not yet available to children, and a responsible parent should like his child to overcome that line with his assistance rather than due to other circumstances, which might turn out to be traumatic. At the same time, readers were given a choice whether to act within the framework of traditions or to change their way of thinking and behavior for the sake of comfort and healthy development of their children.

How to develop aesthetic taste in children?

The pages of the magazine *Žena* reflect a peculiar vision of children's culture. Obviously, by the time of publication, the authors had not yet determined the content of that concept for themselves. Therefore, the information about their attitude to material and spiritual values created by or for children is sketchy but quite consistent with the system of views they adhered. For example, in an article by Vukica Aleksijević, it was argued that for children, games with or without toys were equivalent to adult work:

> Toys and games are not pampering, they are extremely important for development, like food and movement, therefore outdoor games are especially beneficial for health. Children should spend a lot of time outdoors, of course, under the supervision of adults. Collective games are necessary for the formation of human qualities.[63]

The author also recommended a reasonable approach to choosing toys. Undoubtedly, safety was the main criterion, as sharp and cutting objects should not fall into children's hands. Toys for the youngest had to be selected especially carefully: preference should be given to the toys made of natural materials, it was important to

[62] Neli, "Mati i dete," 35–36.

[63] V. Aleksijević, "Deca i dečje igračke," *Žena*, no. 2 (1911): 85.

monitor the condition of the objects made of wood and celluloid so that the paints and varnish did not crack and get into the child's mouth or eyes.[64]

Moderation was welcomed, which is why it was not recommended to give children expensive toys, such as dolls clad in fancy dresses "resembling princesses from fairy tales" or a team of toy horses and a carriage. V. Aleksijević stated:

> Poor people will pass by such an offer, sighing that they will never give their children such toys. And the capricious offspring of rich parents will play and quickly forget because they are used to receiving gifts.[65]

It is best to present children with such things that

> would awaken creative thinking in them, i.e., those objects around which they will "build" a game and figure out for themselves how to make a stroller out of planks a harness out of twine, or build a dollhouse and sew a bright outfit.[66]

A handmade toy for a child is much more valuable than a purchased one, and expensive ready-made toys only harm the child's soul: they do not give you the opportunity to think, make children feel bored quickly, and provoke a feeling of dissatisfaction. Satiety with toys turns a child into an annoyed old man who has not been accustomed to simple joys since childhood and cannot see life as beautiful as it is. Also, children who receive toys as a gift cannot form their own taste, and in the future they will be subject to someone else's influence and do not have a firm and decisive character.[67]

At the same time, there was an opinion that adults should influence the formation of tastes in children and adolescents. For example, in the March issue of 1913, the authors discussed harmful effects of cinema on the child's psyche. Parents were urged not to encourage regular trips to cinemas and to monitor what films children watched, since the repertoire was mainly aimed at adults and usually there were no instructive and educational pictures. In addition, a seemingly harmless hobby could provoke bad behavior: some children ignored their household chores and came back home late and some of them even stole money to buy a cinema ticket.

The author of the piece expressed his indignation at the parental and pedagogical community that allowed such behavior of children in a funny but thought-provoking phrase:

[64] "Praznici i dečje zdravlje," 57–58.
[65] Aleksijević, "Deca i dečje igračke," 85.
[66] Aleksijević, "Deca i dečje igračke," 85.
[67] Aleksijević, "Deca i dečje igračke," 86.

> Responsible parents hardly want their children to get familiar with the pictures under the titles *Lynching*, *Sea Horrors*, *White Slave*, or *Sinful Love*. Up to 90% of schoolchildren of different ages go to the cinema unaccompanied by adults. Although the state recognizes such a pastime as unsafe for children, it is not prohibited and responsibility is shifted on parents and teachers, since they must explain to children that watching films in the cinema is a waste of time.[68]

Conclusion

Obviously, the pieces and articles published in the *Žena* magazine did not describe real boys and girls but presented the attitude of a narrow circle of adults towards them. Moreover, the texts are not a full reflection of life, but they only demonstrate an opinion about what a child should be like, i.e., a normative canon as defined by I. Kon.[69] However, in the course of detailed study of the published materials, it becomes clear that revealing the urgent problems of society, first of all the authors expected canonical behavior from adults. In modern terms, it was about conscious parenting, the principles of which the authors of the publication tried to introduce to the public.

It was stated that children should properly develop physically and mentally, live in suitable conditions, eat healthy food – ideally, their parents should provide them with all that. Undoubtedly, the question of why the topic of child labor was not raised in the pages of the publication requires further study. Perhaps, it was accounted for by the fact that that practice was not common in the middle class families that constituted the majority of the magazine's readership. But were the recommendations on hygiene and organization of child nutrition so relevant to its representatives? The author's assumption is that the intellectual elite did not consider the exploitation of children possible in principle and left no room for it in the "perfect childhood." It is also noteworthy that the publication contains very few materials on pedagogical topics. Probably, their absence was a conscious step on the part of the editorial board because children undoubtedly remained children within the walls of educational institutions, and the discrepancy between their age and status was found outside school and at home, which needed to be corrected.

In fact, the activists rallying around the *Žena* magazine were representatives of the national elite, a group of people with a high sense of responsibility in Jose Ortega y Gasset's terms. In that milieu, there was an opinion that unlike the Serbs, the representatives of other ethnic groups of Austria-Hungary had large incomes, managed their households rationally, and used available resources wisely, and

[68] "Kinematografske predstave opasne su po mladež," *Žena*, no. 3 (1913): 186–87.

[69] I.S. Kon, "Discoveries of Philippe Ariès and Gender Aspects of the History of Childhood" [in Russian], *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, no. 15 (58) (2010): 13.

therefore their children were less likely to get sick and die. Close attention to traditional peasant families was associated with the belief that through education and competent intervention in the life of the Serbian village, it was possible to influence economic development at the national level, reduce mortality, prevent epidemics, instill hygiene, and form medical literacy.[70] Children and childhood in that case acted as a point of convergence of various strata of society, and close interaction of all forces of society was conceived and implemented for their sake. Moreover, the *Žena* magazine is an example of a mass medium that helped to form new social patterns of interaction between children and parents, which further evolved in the 20th century.

Список литературы

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / перевод с французского Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 416 с.

Исламов Т.М. Политика мадьяризации и национальные конфликты в 80-х – 90-х годах XIX в. // История Венгрии: в 3 т. / под редакцией Т.М. Исламова. Т. 2. Москва: Наука, 1972. С. 275–281.

Келли К. Влияние новой идентичности на культуру: «открытие» детства в позднеимперской России // Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX в.): материалы Международной научной конференции «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» (Москва, 1–2 октября 2009 г.) / составители В.Г. Безрогов, О.Е. Кошелева, М.В. Тендрякова. Москва: РГГУ, 2012. С. 89–117.

Кон И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 12–24.

Новосельцева Л.К. Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX в.: идеология, организации, лидеры // Центральноевропейские исследования. 2023. Т. 2023, № 6. С. 208–241. https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8

Шемякин А.Л. Мир детства сербов в путевых заметках П.А. Ровинского // Славянский альманах 2003 / под редакцией Т.И. Вендиной и др. Москва: Индрик, 2004. С. 72–93.

Шемякин А.Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение и потребность // Человек на Балканах: социокультурное измерение модернизации на Балканах: (середина XIX – середина XX в.) / под редакцией Р.П. Гришиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 90–102.

Щеглова С.Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. Москва: Социум, 2001. 86 с. URL: http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

[70] V. Sokolovska, and G. Tripković, "Društveni i porodični život Srba u Vojvodini na početku 20 veka u ogledalu Upitnog lista Matice Srpske," *Zbornik Matice Srpske za društvene nauke*, no. 139 (2012): 250, https://doi.org/10.2298/ZMSDN1239249S

Юхас К. Грязь для чистоты? Опыт этнографического изучения использования воды в целях гигиены // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 1. С. 31–59. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

Васин Г. Српски црквено-народни сабори и питање црквено-школске аутономије 1867–1918 // Стотину двадесет година од почетка борбе српског народа у Босни и Херцеговини за црквено-школску аутономију (1896–2016) / уредио Б. Микановић. Бања Лука: Универзитет и Бањој Луци, 2017. С. 51–70.

Детињство у прошлости 19.–20. век. Помоћни наставни материјал / уредио М. Ристовић, Д. Стојановић. Београд: Удружење за за друштвену историју, 2001. 100 с.

Исић М. Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове: зборник радова са научног скупа одржаног, 09 септембра 2003 / уредио Р. Петковић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003. С. 63–80.

Исић М. Сељаштво у Србији 1918–1941. Књ.1. Београд: Институт за новију историју Србије, 2000. 272 с.

Кириловић Д. Помађаривање у бившој Угарској. Прилог историји српских школа. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1935. 145 с.

Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата / приред Н. Макуљевић, А. Столић. Београд: Clio, 2006. 1030 с.

Соколовска В., Трипковић Г. Друштвени и породични живот Срба у Војводини на почетку 20. века у огледалу Упитног листа Матице српске // Зборник Матице српске за друштвене науке. 2012. № 139. С. 249–257. https://doi.org/10.2298/ZMSDN1239249S

Тимотијевић М. Рађање модерне приватности: приватни живот Срба у Хабзбуршкој монархији од краја 17. до почетка 19. века. Београд: Clio, 2006. 682 с.

Dujmović S.M. Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941. Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021. 317 s.

Fassmann H. Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910 // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918 / Herausgegeben von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Bd. IX. Soziale Strukturen: Von Der Feudal-Agrarischen Zur Burgerlich-Industriellen Gesellschaft. Teilbd. 1. Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2010. S. 159–184.

Isić M. Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 131–159.

Novoseltseva L. The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography // Historical Studies on Central Europe. 2022. Vol. 2, № 2. P. 131–148. https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

Pető A. Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century) // Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century / edited by M. Jovanović, S. Naumović. Београд: Удружење за друштвену историју, 2001. P. 75–77.

Stojanović D. U senci "velikog narativa": Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 160–175.

References

Ariès, Ph. *Rebenok i semeinaya zhizn' pri starom poryadke* [Centuries of childhood: A social history of family life], translated from French by Ya.Yu. Startsev with the assistance of V.A. Babintsev. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999. (In Russian)

Dujmović, S.M. *Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941*. Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021.

Fassmann, H. "Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910. " In *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918,* herausgegeben von H. Rumpler, und P. Urbanitsch, Bd. 9, *Soziale Strukturen: Von der Feudal-Agrarischen zur Bürgerlich-Industriellen Gesellschaft,* Teilbd. 1, *Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution,* 159–84. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2010.

Isić, M. "Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata." In *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*, edited by L. Perović, knj. 4, *Žena i deca,* 131–59. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006.

Isić, M. "Pismenost u Srbiji u 19. veku." In *Obrazovanje kod Srba kroz vekove: zbornik radova sa naučnog skupa održanog, 09 septembra 2003*, edited by R. Petković, 63–80. Belgrade: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2003.

Isić, M. Seljaštvo u Srbiji 1918–1941. Knj.1. Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije, 2000.

Islamov, T.M. "Politika mad'yarizatsii i natsional'nye konflikty v 80-kh – 90-kh godakh XIX v." [The policy of Magyarization and national conflicts in the 1880s – 1890s]. In *Istoriya Vengrii* [History of Hungary], 3 vols., edited by T.M. Islamov, vol. 2, 275–81. Moscow: Nauka, 1972. (In Russian)

Juhász, K. "Pollution for Cleanliness? Lessons from an Ethnographic Research on the Rural Use of Water for Hygienic Purposes." *Historia provinciae – the Journal of Regional History,* vol. 2, no. 1 (2018): 31–59. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

Kelly, C. "Vliyanie novoi identichnosti na kul'turu: 'otkrytie' detstva v pozdneimperskoi Rossii" [The impact of new identity on culture: the 'discovery' of childhood in late imperial Russia]. In *Maloletnie poddannye bol'shoi imperii. Filipp Ar'es i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX v.): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Istoriya detstva kak predmet issledovaniya: nasledie F. Ar'esa v Evrope i Rossii" (Moskva, 1–2 oktyabrya 2009 g.)* [Minor subjects of the great empire. Philippe Ariès and the history of childhood in Russia (17th – early 20th century): Proceedings of the international scientific conference "History of Childhood as a Subject of Research: the Legacy of Ph. Ariès in Europe and in Russia" (Moscow, October 1–2, 2009)], compiled by V.G. Bezrogov, O.E. Kosheleva, and M.V. Tendryakova, 89–117. Moscow: RGGU, 2012. (In Russian)

Kirilović, D., *Pomađarivanje u bivšoj Ugarskoj. Prilog istoriji srpskih škola*. Sremski Karlovci: Srpska manastirska štamparija, 1935.

Kon, I.S. "Otkrytiya Filippa Ar'esa i gendernye aspekty istorii detstva" [Discoveries of Philippe Ariès and gender aspects of the history of childhood]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, no. 15 (58) (2010): 12–24. (In Russian)

Makuljević, N., and A. Stolić., comps. *Privatni život kod Srba u devetnaestom veku*. Belgrade: Clio, 2006.

Novoseltseva, L. "The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography." *Historical Studies on Central Europe*, vol. 2, no. 2 (2022): 131–48. https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

Novoseltseva, L.K. "Dvizhenie serbskikh zhenshchin v Avstro-Vengrii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: ideologiya, organizatsii, lidery" [Serbian women's movement in Austria-Hungary from the second half of the 19th to the early 20th centuries: Ideology, organisations, and leaders]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya=Central-European Studies*, no. 6 (2023): 208–41. https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8 (In Russian)

Pető, A. "Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century)." In *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century*, edited by M. Jovanović, and S. Naumović, 75–77. Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001.

Ristović, M., and D. Stojanović, eds. *Detinjstvo u prošlosti 19.–20. vek. Pomoćni nastavni materijal*. Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001.

Shcheglova, S.N. *Sotsiologiya prav detei v Rossii: novyi vek, novye problemy, novye perspektivy* [Sociology of children's rights in Russia: New century, new problems, new prospects]. Moscow: Sotsium, 2001. Accessed February 13, 2024. http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf (In Russian)

Shemyakin, A.L. "Mir detstva serbov v putevykh zametkakh P.A. Rovinskogo" [The world of Serb childhood in the travel notes of P.A. Rovinskii]. In *Slavyanskii al'manakh 2003* [Slavic Almanac 2003], edited by T.I. Vendina et al., 72–93. Moscow: Indrik, 2004. (In Russian)

Shemyakin, A.L. "Sistema narodnogo obrazovaniya v nezavisimoi Serbii: prinuzhdenie i potrebnost'" [The system of public education in independent Serbia: Coercion and need]. In *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnoe izmerenie modernizatsii na Balkanakh: (seredina XIX – seredina XX v.)* [Man in the Balkans: Socio-cultural dimension of modernization in the Balkans: (mid-19th – mid-20th century)], edited by R.P. Grishina, 90–102. St Peterburg: Aleteiya, 2007. (In Russian)

Sokolovska, V., and G. Tripković. "Društveni i porodični život Srba u Vojvodini na početku 20 veka u ogledalu Upitnog lista Matice Srpske." *Zbornik Matice Srpske za društvene nauke*, no. 139 (2012): 249–57. https://doi.org/10.2298/ZMSDN1239249S

Stojanović, D. "U senci 'velikog narativa': Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka." In *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*, edited by L. Perović, knj. 4, *Žena i deca*, 160–75. Belgrade: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006.

Timotijević, M. *Rađanje moderne privatnosti: privatni život Srba u Habzburškoj monarhiji od kraja 17. do početka 19 veka*. Belgrade: Clio, 2006.

Vasin, G. "Srpski crkveno-narodni sabori i pitanje crkveno-školske autonomije 1867–1918." In *Stotinu dvadeset godina od početka borbe srpskog naroda u Bosni i Hercegovini za crkveno-školsku autonomiju (1896–2016)*, edited by B. Mikanović, 51–70. Banja Luka: Univerzitet i Banjoj Luci, 2017.

Информация об авторах

Людмила Константиновна Новосельцева – младший научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505, mnovoseltseva91@gmail.com, Институт славяноведения РАН (д. 32А, пр-т Ленинский, 119334 Москва, Россия).

Information about the authors

Liudmila K. Novoseltseva – Junior Research Fellow, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505, mnovoseltseva91@gmail.com, Institute of Slavic Studies of the RAS (32A, pr. Leninskii, 119334 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 01.04.2024; accepted for publication 15.04.2024.